Юрий Адаменко

Книга четвертая

Леди Алиса

Светские интриги и запах пафоса

Юрий Адаменко

Леди Алиса. Светские интриги и запах пафоса

«Автор»
2026

Адаменко Ю.

Леди Алиса. Светские интриги и запах пафоса / Ю. Адаменко — «Автор», 2026

Столица встречает меня дворцами, балами, роскошными нарядами и таким количеством сплетен, что хватило бы на небольшую войну.Но настоящая война, кажется, только начинается.Король решил, что мне пора замуж. А поскольку я нахожусь под опекой герцога, именно ему поручено найти мне достойного супруга.Валериан находит недостатки у каждого. Причём с таким энтузиазмом, что у меня возникают определённые подозрения относительно его беспристрастности.Что ж, если уж мне предстоит провести сезон среди высокородных особ, придётся немного изменить их представления о приличиях.Открою салон, научу принцессу полезной магии, наведу порядок в косметике и, возможно, слегка пошатну устои местного высшего общества.В столице есть правила. Есть традиции. Есть приличия.И есть леди Алиса, которой на всё это немного наплевать.

© Адаменко Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Правило первое: благородная девица не спорит с кучером» 5
Глава 2. «Правило второе: о даре не говорят вслух» 18
Глава 3. «Правило третье: дамы не потеют» 31
Глава 4. «Правило четвёртое: жениха выбирает опекун» 44
Глава 5. «Правило пятое: принцессы не прячутся на кухне» 56
Глава 6. «Правило шестое: на свидании говорят о погоде» 70
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Юрий Адаменко
Леди Алиса. Светские интриги и запах пафоса

Глава 1. «Правило первое: благородная девица не спорит с кучером»

«Наставления благородной девице, вступающей в свет», правило первое: «Благородная девица не спорит с кучером, лакеем, торговцем и иными людьми низкого звания. Ежели кучер везёт не туда, девица молчит и молится. Пламя видит, куда её везут».

Восемнадцать дней они не разговаривали.

То есть разговаривали, конечно. Каждое утро он подъезжал к окошку кареты, наклонялся с седла и говорил: «Доброе утро, леди Лейн». Каждый вечер, у дверей очередного постоялого двора на Большом Королевском тракте, подавал ей руку, чтобы она сошла с подножки, и говорил: «Добрый вечер». В промежутке они обсуждали погоду («холодает»), дорогу («размыло»), лошадей («левая пристяжная хромает»), постоялые дворы («клопы» — «вижу») и цены на овёс («грабёж» — это сказала Матильда, процитировав письмо Клома, и все трое некоторое время молчали, потому что Клома не хватало так, что это было почти неприлично).

О том, что было сказано на пороге «Тёплого дома» в июне, на рассвете, — «Мне страшно, когда вы далеко» и «Мне тоже», — они не говорили ни разу.

Ни разу за восемнадцать дней.

Алиса считала. Не так хорошо, как Клом, но считала.

На первый день она решила, что он заговорит сам. Он же уехал тогда, не дождавшись ответа, — значит, теперь, когда он вернулся за ней в Ворн, как обещал, в октябре, с каретой, с конвоем, с королевским указом в кожаной сумке, — он скажет. Что-нибудь. Хотя бы «вы тогда сказали...». Хотя бы «я слышал».

Он сказал: «Доброе утро, леди Лейн».

На пятый день она решила, что заговорит сама. На привале у моста через какую-то безымянную речку, где они стояли вдвоём у перил, пока возчики поили лошадей. Она открыла рот. Он повернул голову. Она сказала:

— Холодает.

— Холодает, — согласился он.

И они двадцать минут смотрели на речку.

На десятый день Матильда, сидевшая напротив неё в карете, не выдержала.

— Леди, — сказала она. — Можно я спрошу?

— Нет, — сказала Алиса.

— Вы же даже не знаете что.

— Знаю, — сказала Алиса. — Нет.

Матильда вздохнула. Тяжело, долго, с той самой интонацией, которую она за весну, видимо, переняла у вдовы Пумм по письмам. И стала смотреть в окно. На его спину. Он ехал справа от кареты, у самого окошка, на своём чёрном коне, в чёрном дорожном плаще, с синим дырявым шарфом Веты на шее — она видела этот шарф каждое утро, и каждое утро у неё что-то сжималось внутри, — и не оглядывался.

— Он же вас слышал, — сказала Матильда в окно. Тихо. — Тогда. На пороге. Клом говорит — слышал.

— Тильда.

— Молчу, — сказала Матильда. — Молчу. — Пауза. — Только вы двое как...

— Не говори.

— ...как два упрямых... — Матильда осеклась, посмотрела на Алисино лицо и благоразумно закончила: — ...северных оленя.

— Почему оленя?

— Не знаю, — честно сказала Матильда. — Розальда писала «барана». Мне показалось — грубо.

Алиса отвернулась к другому окну.

Там — слева — проплывали поля южного Асдерийского края. Сжатые, золотисто-серые, в аккуратных скирдах. Виноградники на склонах — уже убранные, с жёлтыми и бурыми листьями. Белые деревни с красными крышами. Мельницы. Колокольни. Дорога — широкая, мощёная, как ни одна дорога на севере, с каменными верстовыми столбами, на которых были выбиты не просто цифры, а маленькие короны над цифрами. Королевский тракт. Для королей и дураков, как говорил Бреннер. На триста вёрст длиннее малых дорог.

Зато без подпиленных брёвен.

Она думала о том, что он, наверное, жалеет. О том, что сказал. Что там, на рассвете, у порога, он устал, не спал, уезжал на суд, и вырвалось, — а теперь, через четыре месяца, в Солмаре, на суде, среди короля, палаты, двора, — понял, что сказал лишнее. И теперь не знает, как взять обратно. И поэтому — «холодает».

Она думала, что он, может быть, вообще не слышал. Её «Мне тоже». Что Клом выдумал — «он остановился, значит, слышал». Клом — кладовик, он хочет, чтобы сходилось.

Она думала много чего за восемнадцать дней.

А он ехал справа, у самого окошка, и не оглядывался.

Он тоже считал.

Этого Алиса не знала. Этого не знал никто, кроме, может быть, Гуннара, который ехал сзади кареты со своими тремя — однорукий Йенс Кольбах и рыжие братья Мюллеры, — и смотрел на спину своего бывшего командира так, как смотрят на человека, который несёт на плечах мешок с камнями и делает вид, что это перья.

Валериан считал вёрсты. Вёрсты до Солмара. Семьсот сорок. Шестьсот двадцать. Четыреста девяносто. Он считал их и думал: на трёхсотой скажу. На двухсотой. На сотой. Когда остановимся у того моста. Когда она выйдет из кареты. Когда подам ей руку.

Подавал руку. Говорил: «Добрый вечер».

Он не знал, как начать.

Он думал: она сказала «мне тоже». Он слышал. Он стоял на углу рыночной площади в Ворне, спиной к ней, и услышал — тихо, почти неслышно, через фонтан, через голубей, — и у него опустились плечи, и он почувствовал, как будто девять лет он нёс на себе что-то тяжёлое, а теперь кто-то взял и снял.

А потом он уехал. В Солмар. На суд. И четыре месяца сидел в зале суда, слушал, как стряпчий в бархате защищает Хольта, давал показания, писал отчёты, отвечал королю, раскланивался с Сарном в приёмной, — и каждый вечер, в холодном пустом доме на Северной набережной, думал: а вдруг послышалось?

А вдруг она сказала «мне тоже» — из жалости? Из вежливости? Потому что он стоял там внизу, на мостовой, такой нелепый, с мокрыми глазами, и сказал такую нелепую вещь — «страшно», он, генерал-командующий Северной армией, — и она пожалела? Сказала, чтобы не обидеть?

А вдруг она вообще сказала что-то другое?

Он приехал за ней в Ворн в октябре, как обещал. Вошёл в «Тёплый дом». Звякнул колокольчик. Она стояла за прилавком. В коричневом чепце — новом, белом, не было коричневого, Матильда, видимо, наконец победила. С синим шарфом с ёлкой и домиком на шее.

Она посмотрела на него. Он посмотрел на неё.

И сказал: «Леди Лейн. Карета ждёт».

Вот с этого и началось. Восемнадцать дней «холодает».

Солмар открылся на девятнадцатый день, в полдень.

Сначала — запахом.

Это было первое, что Алиса заметила, ещё до того, как увидела город. Карета перевалила через последний холм, и в окошко — открытое, потому что день был тёплый, почти летний, какие бывают на юге в конце октября, — потянуло. Сначала — дымом. Потом — рекой. Потом — чем-то тяжёлым, сладковато-гнилостным, густым, как каша. Как стоки Кожевенной улицы в Ворне до мора. Как задний двор «Хромого гуся» до того, как Майя поставила котлы. Только — в сто раз сильнее.

— Ох, — сказала Матильда и прижала к носу платок.

— Нижние слободы, — сказал Валериан снаружи. Это было первое, что он сказал за весь день, кроме «доброе утро». — Ветер с востока. Через час привыкнете.

— А если не привыкнем? — спросила Матильда сквозь платок.

— Тогда — через два, — сказал Валериан.

А потом карета повернула, и они увидели город.

Алиса видела Ворн — серый, каменный, приземистый, на четыре тысячи душ. Видела Вейльбург — белый, ступенчатый, стучащий тысячей станков. Она думала, что после Вейльбурга её ничем не удивишь.

Солмар был — другим.

Он лежал внизу, в широкой долине Лиары, которая здесь, в шестистах верстах от Ворна, была уже не северной рекой, а огромной, медлительной, сверкающей лентой шириной в полверсты, — лежал по обоим берегам, раскинувшись на холмах, как кот на солнце. Весь — белый и золотой. Белые стены — тройные, одна за другой, кольцами, как годовые кольца дерева. Белые башни — десятки, с золотыми куполами. Белые дворцы — с колоннадами, с садами на террасах, с фонтанами. Белые мосты — семь, нет, девять, — через Лиару и через каналы, которые расходились от реки в разные стороны, как жилы на ладони. И над всем этим, на самом высоком холме, в центре, — дворец. Белый, огромный, с тремя золотыми башнями, на которых горели — Алиса не сразу поняла — настоящие огни. Три костра. Днём. На вершинах башен. Три языка пламени.

Пламенный Трон.

А рядом с ним — собор. Ещё выше, ещё белее, с одним-единственным шпилем, тонким, как игла, уходящим в небо. На шпиле — тоже огонь. Один. Самый большой.

— Собор Единого Пламени, — сказал Валериан снаружи. — Огонь на шпиле не гаснет триста лет. Его поддерживают маги Палаты. По очереди. Круглые сутки.

— Зачем? — спросила Алиса.

Он помолчал.

— Чтобы все видели, — сказал он. — Отовсюду. С любого холма. С любой дороги. Днём и ночью. — Пауза. — Чтобы помнили, у кого огонь.

Алиса смотрела на шпиль.

А потом опустила глаза. Ниже. Туда, к реке, к восточной окраине, — откуда шёл запах.

Там, ниже белых стен, ниже золотых куполов, вдоль Лиары, вниз по течению, — лежало что-то серое. Бурое. Бесформенное. Как грязная пена у края чистой воды. Лачуги. Тысячи лачуг. Друг на друге, вплотную, без улиц — только кривые проходы. Дым над ними — не

синеватый, как над Вейльбургом, а жёлтый, жирный, низкий. И — ни одного белого пятна. Ни одного золотого.

Нижние слободы.

Город за городом. Город под городом. Город, который не видно со шпиля собора — шпиль смотрит вверх, а не вниз.

— Сколько там людей? — спросила Алиса.

— Никто не считал, — сказал Валериан. — Канцелярия говорит — двадцать тысяч. Гарнизон говорит — шестьдесят. — Пауза. — Отец Матиас из Ворна там служил двадцать лет. Он говорил — сто.

Сто тысяч человек. В лачугах. У реки. Без колодцев — Алиса была уверена, что без колодцев, — пьющих из Лиары, куда стекает всё, что выше.

Она смотрела на слободы долго.

Потом сказала — себе, тихо, почти неслышно:

— Сначала — указ. Потом — посмотрим.

Матильда покосилась на неё. Ничего не сказала. Только убрала платок от носа — и не стала прижимать обратно.

* * *

Спор с кучером случился у Речных ворот.

Кучер был королевский — его прислала канцелярия вместе с каретой, гербовой, синей, с золотым пламенем над короной на дверцах, ещё в Ворн. Кучера звали Бартоломеус. Он был огромный, важный, с пышными седыми бакенбардами, в синей ливрее с золотыми галунами, и за восемнадцать дней дороги не сказал Алисе ни одного слова, кроме «как прикажете, леди», произносимого таким тоном, каким, вероятно, говорят «как прикажете» сумасшедшим.

У Речных ворот Бартоломеус свернул налево.

— Бартоломеус, — сказала Алиса в переднее окошко. — Нам направо.

— Налево, леди, — сказал Бартоломеус, не оборачиваясь.

— Северная набережная — направо. Я смотрела на карте.

— На карте, леди, — сказал Бартоломеус с бесконечным снисхождением, — направо. А в жизни — налево. Через Соборную площадь, через Дворцовый мост, через Золотую улицу. Благородные кареты ездят так.

— Это крюк в две версты.

— Благородные кареты, — повторил Бартоломеус, — ездят так.

— А направо — как?

Бартоломеус помолчал. Бакенбарды на его щеках, кажется, слегка встопорщились.

— Направо, леди, — сказал он, — через Рыбный рынок. И через Кожевенный ряд. И мимо Нижних ворот. — Пауза. — Там пахнет.

— Пахнет, — согласилась Алиса. — Здесь везде пахнет. Бартоломеус, лошади устали. Мы девятнадцатый день в пути. Через Рыбный рынок — полверсты. Через Соборную площадь — две с половиной. Направо, пожалуйста.

— Леди, — сказал Бартоломеус. И Алиса впервые услышала в его голосе что-то кроме снисхождения. Страдание. — Леди. Благородная карета. С гербом его величества. Через Рыбный рынок. Меня засмеют. Двадцать лет я вожу кареты двора. Ни разу — через Рыбный.

— Значит, будет первый, — сказала Алиса.

Бартоломеус не ответил. Карета продолжала поворачивать налево.

Алиса посмотрела в окошко справа. Там, у самой дверцы, ехал Валериан. Смотрел вперёд. На дорогу. С совершенно непроницаемым лицом.

— Ваша светлость, — сказала Алиса.

— Леди Лейн, — сказал Валериан, не поворачивая головы.

— Скажите ему.

— Что?

— Чтобы ехал направо.

Валериан помолчал.

— «Наставления благородной девице», — сказал он. — Правило первое. «Благородная девица не спорит с кучером».

Алиса уставилась на него.

— Вы читали «Наставления благородной девице»?

— Мне прислали, — сказал Валериан. — Канцелярия. Вместе с указом. — Пауза. — Для вас. Настоятельно рекомендовано. Сорок два правила. — Ещё пауза. — Я прочитал первое. На этом остановился.

— Почему?

Он наконец повернул голову. Посмотрел на неё через окошко. Серыми глазами. В которых — впервые за восемнадцать дней — было что-то, кроме «холодает».

— Потому что понял, — сказал он, — что вы нарушите все сорок два. И мне стало интересно, в каком порядке.

Алиса открыла рот. Закрыла.

Потом высунулась в переднее окошко — по пояс, так, что Матильда за её спиной ахнула и вцепилась в её юбку, — и сказала Бартоломеусу прямо в бакенбарды:

— Бартоломеус. Я знаю, как пахнет Рыбный рынок. Я знаю, как пахнет Кожевенный ряд. Я варила мыло из налимьего жира. Первая партия воняла так, что кожевник Хуго Кайзер приходил жаловаться, а кожевник, Бартоломеус, привычный человек. — Пауза. — Если вы сейчас повернёте направо — я вам подарю брусок мыла с розой. Для жены.

Бартоломеус молчал.

— У вас есть жена? — спросила Алиса.

— Есть, — сказал Бартоломеус. Мрачно.

— Она довольна?

Бакенбарды дрогнули.

— Леди, — сказал Бартоломеус после долгой паузы, — двадцать два года женат. — Ещё пауза. — Не всегда.

— Два бруска, — сказала Алиса.

Бартоломеус посмотрел на неё через плечо. Впервые за восемнадцать дней. Глаза у него оказались маленькие, голубые, очень усталые и неожиданно человеческие.

— С розой? — спросил он.

— С розой.

Бартоломеус вздохнул. Тяжело. Как Боцман.

И натянул правую вожжу.

Рыбный рынок пах так, как и положено рыбному рынку в конце октября на юге: всей рекой сразу. Лещами, щуками, угрями, раками, тиной, чешуёй, требухой, которую сваливали прямо под прилавки, и чем-то ещё — тем самым сладковато-гнилостным, что тянулось от Нижних слобод. Торговки — огромные, в засаленных фартуках, с красными руками — замолчали, увидев синюю карету с золотым пламенем над короной, протискивающуюся между рядами. Потом — загалдели. Потом — заулюлюкали.

— Глянь! Королевская! Через рыбу!

— Заблудились, ваша милость?

— Леща не желаете? Свежий! С утра!

Бартоломеус сидел на козлах неподвижно, как статуя, глядя прямо перед собой. Уши у него под пышными бакенбардами были пунцовыми.

Алиса высунулась в окошко. Торговки разглядели её — рыжую, в простом дорожном платье, в белом чепце.

— Ой, бабоньки, — сказала одна, самая толстая, с усами. — Да это ж не барыня. Это ж наша.

— Где ж наша, в королевской-то?

— А ты глянь на чепец! Барыни чепцов не носят. Барыни — перья.

— Леща! — крикнула Алиса. — Почём лещ?

Торговки остолбенели.

— Грош, — сказала наконец толстая с усами. — Грош за пару. Свежий.

— Беру шесть пар! — крикнула Алиса. — Матильда, деньги!

Матильда, давясь смехом, полезла в кошель.

Бартоломеус на козлах закрыл глаза.

Через пять минут синяя королевская карета с золотым пламенем над короной выезжала с Рыбного рынка на Кожевенный ряд, и из её заднего окна торчали хвосты двенадцати лещей, завёрнутых в рогожу. Торговки махали ей вслед фартуками. Кто-то кричал «приезжай ещё, рыжая!». Кто-то — «угрей в следующий раз!».

Валериан, который ехал справа от кареты всё это время, не проронил ни слова.

Но Алиса видела. Через окошко. Левый угол его рта. Весь Рыбный рынок — и весь Кожевенный ряд — он держался поднятым.

* * *

Дом фон Грантов стоял на Северной набережной.

Это была улица вдоль Лиары, выше по течению, — там, где вода ещё была чистой, до того как в неё стекало всё, что выше Нижних слобод. Широкая, мощёная, с липами вдоль парапета — уже облетевшими, — с фонарями на чугунных столбах, с особняками знати по другую сторону. Белые, жёлтые, розоватые. С колоннами, с балконами, с гербами над воротами. С садами за коваными решётками.

Дом фон Грантов был последним. В самом конце набережной. Там, где она упиралась в старую крепостную стену.

Он был серый.

Единственный серый дом на всей улице. Не белый, не жёлтый, не розоватый. Серый, как камень северных гор. Три этажа. Узкие высокие окна — почти бойницы. Никаких колонн. Никаких балконов. Над воротами — герб: ель в три яруса, меч остриём вниз. Тёмный, без позолоты. За воротами — двор, мощёный, голый. Ни одного дерева. Ни одного куста. Ни одного цветка.

— Ох, — сказала Матильда.

Алиса вышла из кареты. Остановилась посреди двора. Посмотрела на дом.

Дом смотрел на неё узкими тёмными окнами. Неприветливо. Как Генерал у ворот «Хромого гуся».

— Это — ваш дом? — спросила она.

— Мой, — сказал Валериан. Он спешился и стоял рядом, держа коня под уздцы. — Отца. Деда. Прадеда. Построен двести лет назад. Северянином для северян. — Пауза. — Солмарцы называют его «Ледником».

— Почему?

— Зайдите, — сказал Валериан. — Поймёте.

Она зашла.

И поняла.

Внутри было холодно.

Не так, как на улице — на улице был тёплый южный октябрь. А так, как бывает в домах, где давно никто не жил. Холод шёл от каменного пола, от каменных стен, от каменной лестницы, которая уходила наверх, в темноту. Пахло сыростью, пылью, камнем и — едва уловимо — морозом. Как всегда, когда рядом был он.

Холл был огромный, пустой. Ни ковра, ни картин, ни мебели — только у стены одинокий дубовый сундук и на нём — подсвечник без свечей. Камин — огромный, чёрный, холодный. Пустой. Ни золы, ни поленьев.

— Сколько вы здесь жили? — спросила Алиса. — Летом. Когда был суд.

— Четыре месяца, — сказал Валериан.

— В этом?

— В этом.

— Камин топили?

Пауза.

— Нет, — сказал Валериан.

Алиса повернулась к нему.

— Четыре месяца. В каменном доме. Без огня.

— Было лето, — сказал Валериан. — Солмар. Жарко.

— А ночью?

Он не ответил.

— Ночью, — сказала Алиса, — в каменном доме, без огня, даже летом в Солмаре — холодно. Я знаю. Я выросла... — Она осеклась. Чуть не сказала «в бабушкином деревенском доме под Тверью». — Я знаю каменные дома. — Пауза. — Вы спали в холоде. Четыре месяца.

— Я привык.

— Вы обещали, — сказала Алиса. — В январском письме. «Не спите в холоде». Это — ваши слова. Мне. — Она смотрела на него. — А сами?

Валериан молчал.

Сзади, в дверях, Матильда тихо, с чувством, произнесла:

— Ох, леди. Тут же ещё хуже, чем было в Грантхольме.

Алиса обернулась.

Матильда стояла на пороге — с узлом в руках, с корзинкой на локте, с лещами, торчащими из рогожи, — и смотрела на холл. На пыль на полу. На паутину в углах — огромную, серую, многоярусную, как ёлка. На холодный камин. На лестницу, уходящую в темноту.

И Алиса увидела в её лице то же самое, что когда-то, полтора года назад, было в её собственном, когда она впервые вошла в Грантхольм. Ужас. И — сразу за ним, медленно, неотвратимо, — что-то другое. Азарт. Тот самый, при котором засучивают рукава.

— Леди, — сказала Матильда. Медленно. — А тут — есть котлы?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А вода?

— Должна быть.

— А щёлок?

— Мы привезли.

— А мыло?

— Двадцать ящиков. «Северное лесное». С розой. Для подарков.

Матильда поставила узел на пол. Корзинку — на сундук. Лещей — рядом.

Засучила рукава.

— Ваша светлость, — сказала она Валериану. Вежливо, твёрдо, совершенно как Берта в Грантхольме. — Где у вас кухня?

Валериан посмотрел на неё. Потом на Алису. Потом снова на Матильду.

— Внизу, — сказал он. — В подвале. — Пауза. — Её тоже не топили.

— Понятно, — сказала Матильда. И пошла искать подвал. Не оглядываясь.

Валериан смотрел ей вслед.

— Это... — сказал он.

— Это — Тильда, — сказала Алиса. — Она управляла лавкой два месяца одна. С гарнизонным подрядом. Прибыль — на треть. — Пауза. — Вы этот дом больше не узнаете. Недели через две.

Валериан помолчал.

— Королевская аудиенция, — сказал он, — завтра. В полдень.

— Значит, — сказала Алиса, — сегодня — камин. Где у вас дрова?

Он посмотрел на неё долго.

— Не знаю, — сказал он. Честно.

Алиса засучила рукава тоже.

К полуночи в «Леднике» горели три камина.

В холле — огромный, чёрный, в котором можно было бы зажарить быка. В маленькой гостиной на втором этаже, которую Алиса выбрала для себя, потому что у неё было единственное во всём доме окно, выходящее на юг, на реку. И на кухне, в подвале, — где Матильда, с закатанными до плеч рукавами, с лицом, перемазанным сажей, варила из двенадцати лещей уху в единственном найденном котле, который до этого пришлось два часа отчищать песком.

Дрова нашёл Гуннар. Не во дворе — во дворе ничего не было. В сарае за домом. Старые, сухие, сложенные, видимо, ещё при отце Валериана, и с тех пор никем не тронутые. Двадцать лет. Сухие, как порох.

— Хозяйство, — сказал Гуннар, втаскивая в холл первую охапку. — Клом бы помер. Двадцать лет дрова лежат — и никто не топит.

— Клом бы составил опись, — сказала Алиса. — Сначала. А потом помер.

Гуннар хмыкнул.

Йенс Кольбах и рыжие Мюллеры таскали воду из колодца во дворе — колодец, слава Пламени, был, и вода в нём оказалась хорошая, холодная, северная, как будто прадед Валериана, строя этот дом, специально искал жилу, которая шла с гор. Таскали — и Матильда грела её на кухне, и мыла кухню, и мыла котёл, и мыла лестницу в подвал.

Валериан стоял в холле. У камина. Смотрел в огонь.

Он не помогал. Не потому, что не хотел. Потому что не знал, как. Это было видно — Алиса видела. Он стоял посреди собственного дома, в котором прожил четыре месяца, и смотрел, как чужие люди — его подопечная, её служанка, его бывший сержант, три ветерана с нашивками-домиками — за один вечер делают из «Ледника» что-то, в чём можно жить. И не знал, куда деть руки.

Алиса подошла к нему. Встала рядом. У огня.

— Вы чего? — спросила она.

Он не ответил сразу.

— Отец здесь жил, — сказал он наконец. — Когда приезжал ко двору. Месяц в году. Мать сюда не ездила. Она ненавидела Солмар. — Пауза. — Отец топил только один камин. Вот этот. И спал здесь же. На сундуке. В плаще. — Ещё пауза. — Я думал — так и надо. Солмар — не дом. Солмар — служба. На службе не топят камины.

Алиса смотрела на огонь.

— А теперь? — спросила она.

Он помолчал.

— А теперь у меня в подвале кто-то варит уху, — сказал он. — И пахнет... — Он втянул воздух. — Пахнет домом.

Алиса не знала, что на это сказать. Поэтому сказала то, что сказала бы бабушка:

— Ужинать будете?

Валериан посмотрел на неё. Долго.

— Буду, — сказал он.

И это было первое слово за девятнадцать дней, которое не было про погоду.

* * *

Король Ульрих Четвёртый Асдерийский принимал их в Малом тронном зале.

Малый тронный зал оказался размером с половину Грантхольма. Белый мрамор пола — такой гладкий, что в нём отражались потолки. Потолки — расписанные, высокие, с фресками: Первое Пламя сходит с неба по Тропе Пламени, короли древности принимают огонь из рук магов, битвы, драконы, ангелы. Колонны — белые, с золотыми капителями. Окна — огромные, от пола до потолка, с цветными стёклами: огонь, огонь, огонь. И свет сквозь них — красный, золотой, оранжевый — лежал на полу пятнами, как будто весь зал горел.

В дальнем конце — возвышение в семь ступеней. На возвышении — трон. Небольшой, золотой, с высокой спинкой, на которой горело — Алиса присмотрелась — настоящее пламя. Маленькое. В золотой чаше над головой сидящего.

На троне — король.

Ульрих Четвёртый оказался совсем не похож на короля из сказки. Ни величия, ни грозности, ни седой бороды до пояса. Он был — обыкновенный. Немолодой, плотный, лысеющий человек лет шестидесяти, с круглым лицом, с маленьким капризным ртом, с мешками под глазами и с глазами — маленькими, светлыми, очень живыми и очень внимательными. Одет он был в тёмно-красное, без излишеств. Корону — тонкий золотой обруч — носил так, как носят шляпу: привычно, небрежно, чуть набок. Пальцы — короткие, толстые, в перстнях — барабанили по подлокотнику трона.

Рядом с троном — справа — стоял человек в чёрном. Худой, высокий, сутулый, лет шестидесяти, с длинным бледным лицом и с золотой цепью канцлера на груди.

Слева — никого. Пустое место. Как будто там кто-то должен был стоять — и не стоял.

Алиса сделала реверанс. Тот, которому её учила Матильда все восемнадцать дней в карете по картинкам из «Наставлений благородной девице». Правило двадцать третье: «Реверанс перед монархом — глубокий, до самого пола, с опущенными глазами и не менее трёх ударов сердца». Она досчитала до трёх ударов. Потом — на всякий случай — до пяти.

Валериан поклонился. Коротко. Прямо. По-северному.

— Фон Грант, — сказал король. Голос у него был высокий, немного скрипучий. — Явились. — Пауза. — С подопечной.

— Ваше величество, — сказал Валериан.

— Встаньте, леди Лейн, — сказал король. — Вы так до вечера будете стоять. Пять ударов сердца, я считал. Правило — три.

Алиса выпрямилась. Щёки горели.

Король рассматривал её. Долго. С головы до ног. Маленькими светлыми глазами. Как рассматривают лошадь на ярмарке в Лисьем Броде.

— Рыжая, — сказал он. — Мне говорили — рыжая. — Пауза. — Мне говорили много чего. Мыло. Мор. Колодцы. Сукно. Песок. Горцы. Тридцать тысяч человек в чанах на Вейльбургском Выгоне. — Он побарабанил пальцами. — Говорили — ведьма. Говорили — святая. Говорили — пустышка с бытовым даром, которая водит за нос тёмного герцога. — Ещё пауза. — Говорили, что вы варите мыло из рыбы.

— Из налимьего жира, ваше величество, — сказала Алиса. — Это не совсем рыба. Это...

— Мне всё равно, — сказал король. — Мне всё равно, из чего вы варите мыло, леди Лейн. — Он перестал барабанить. — Мне не всё равно, сколько оно приносит.

Алиса замолчала.

— Канцлер, — сказал король.

Человек в чёрном у трона развернул свиток.

— Торговый дом «Тёплый дом», — прочитал он сухим, шелестящим голосом, — вольный город Ворн. Владелица — леди Алиса Лейн. Оборот за год — около шестисот крон. Подряд с Ворнским гарнизоном. Товарищество с ткальней Вейс, Вейльбург: сукно, именуемое «ворнским». Заказы Северной армии — две тысячи шинелей, Южной армии — тысяча. Приблизительная стоимость — восемь тысяч крон. Доля «Тёплого дома» — треть от прибыли. — Пауза. — Плюс мыльня на Вейльбургском Выгоне по договору с советом. Плюс доля в стекольной мастерской некоего Олдоса Фенна, Ворн. Плюс...

— Довольно, — сказал король.

Канцлер свернул свиток.

Король смотрел на Алису.

— Восемь тысяч крон, — сказал он. — За год. На сукне. Из шерсти, которую барон Морс называл мешковиной. — Пауза. — Барон Морс, кстати, сейчас здесь, в Солмаре. Жалуется на вас. Говорит — вы его разорили. — Он усмехнулся. Маленьким капризным ртом. — Я ему сказал — значит, плохо торговал.

Алиса не знала, что ответить. Поэтому промолчала. Правило двадцать седьмое: «Благородная девица молчит, пока монарх не спросит прямо».

— Вам двадцать один год, — сказал король. — Нет?

— Будет в декабре, ваше величество.

— Двадцать один, — сказал король. — Брачный возраст. Давно. — Он побарабанил пальцами. — Вы не замужем. У вас нет отца. У вас есть опекун. — Он перевёл взгляд на Валериана. — Который, по указу моего же величества, держит вас под опекой «до замужества». — Пауза. — Полтора года уже держит. И, кажется, не торопится.

Валериан стоял неподвижно.

— Ваше величество, — сказал он, — леди Лейн занята делом. Её дело приносит казне...

— Её дело приносит казне налоги, — сказал король. — Знаю. Хорошие налоги. — Пауза. — А могло бы приносить больше. Если бы находилось в надёжных руках. Мужских. Знатных. Близких к трону. — Он улыбнулся. — Понимаете, фон Грант?

Валериан не ответил.

Алиса почувствовала, как в зале стало холоднее. Едва заметно. На полградуса. Как будто кто-то приоткрыл окно.

Король, кажется, тоже почувствовал. Посмотрел на Валериана. Прищурился.

— Не надо, фон Грант, — сказал он мягко. — Не надо мне тут морозить. Я — король. Мне холодно не бывает. — Пауза. — Мне бывает дорого.

Холод отступил.

— Итак, — сказал король. И выпрямился на троне. И в его голосе вдруг появилось то, чего до этого не было, — тяжесть. Королевская. — Мы, Ульрих Четвёртый, повелеваем. Опекуну леди Алисы Лейн, герцогу Валериану фон Гранту, — выдать подопечную замуж. До конца нынешнего светского сезона. То есть — до Зимнего бала. — Пауза. — Жениха подбирает опекун. Из достойных. Знатных. Одобренных двором. Список — представить канцлеру через две недели. — Ещё пауза. — Ответственность — на опекуне. Лично.

Тишина.

Красный, золотой, оранжевый свет из цветных окон лежал на белом мраморе.

— Ваше величество, — сказала Алиса.

Король посмотрел на неё.

— Леди Лейн?

Алиса смотрела на него. На маленькие, светлые, очень живые глаза. На корону набок. На толстые пальцы в перстнях.

— А если, — сказала она, — я не захочу? Замуж?

Канцлер у трона вздрогнул. Где-то в глубине зала — у дверей, у колонн, где стояли придворные, — кто-то ахнул.

Король смотрел на неё долго.

Потом — засмеялся. Высоко, скрипуче, искренне.

— Не захотите, — повторил он. — Леди Лейн. Дорогая моя. — Он вытер глаз толстым пальцем. — Вас никто не спрашивает.

Он махнул рукой.

— Аудиенция окончена.

Они вышли из дворца молча.

Молча прошли через Большой двор — белый, огромный, с фонтанами, с гвардейцами в золотых кирасах у каждой двери. Молча сели — она в карету, он на коня. Молча выехали за ворота.

Молча доехали до Северной набережной.

Бартоломеус на козлах — после вчерашнего Рыбного рынка, после двух брусков мыла с розой, которые Алиса вручила ему вечером, — оглядывался на них через плечо с выражением человека, который чувствует грозу и не знает, где ударит.

У ворот «Ледника» Валериан спешился. Бросил поводья Гуннару. Подал ей руку — вышла.

Они стояли посреди голого серого двора.

— Вы, — сказала Алиса.

— Я, — сказал Валериан одновременно.

Замолчали.

— Вы — довольны, — сказала Алиса. Тихо. Зло. — Да? Это же то, чего вы хотели? С самого начала? Вы же меня и в Грантхольм отправили — «с глаз долой». Опека — обуза. Подопечная — помеха. А теперь — король сам велел. Выдать — и свободны. «Ответственность — на опекуне». Вы найдёте мне какого-нибудь барона, сбудете с рук — и вернётесь на свой перевал. Без пустышки. Без мыла. Без «Тёплого дома». Довольны?

Валериан смотрел на неё. Лицо — белое.

— Довольна, — сказал он. Тоже тихо. Тоже зло. — Вы. — Пауза. — Это же то, чего вы хотели? Свободы? Своего дела? Без опекуна? «Это нечестно, ваша светлость», «вы не на войне», «вы обещали»? — Ещё пауза. — Вот. Король дал. Выйдете замуж за какого-нибудь барона с деньгами и связями, он вам купит мануфактуру, вы будете варить мыло на весь Солмар. Без меня. Без моего холода. Без «леди Лейн, вернитесь в телегу». — Он помолчал. — Довольны?

Они стояли посреди двора. В двух шагах. И смотрели друг на друга.

Каждый был уверен, что другой рад.

Каждый был в ярости — по своей причине. Она — потому что он, кажется, рад. Он — потому что она, кажется, рада.

Ни один не сказал того, что думал на самом деле.

— Ужин в семь, — сказала Алиса наконец. Ледяным голосом. Таким, какого у неё никогда не было. — Тильда варит суп. Из остатков лещей.

— Я не голоден, — сказал Валериан. Ещё более ледяным.

— Тем лучше, — сказала Алиса. — Больше достанется Гуннару.

Она развернулась и ушла в дом.

Валериан остался посреди двора.

Иней — Гуннар, стоявший у конюшни с двумя конями под уздцы, видел это совершенно ясно — медленно, неторопливо пополз по серым плитам двора от его сапог. Во все стороны. До самых ворот. Тонкий, белый, кружевной.

В октябре. В Солмаре. Где в полдень было тепло, как летом.

Гуннар посмотрел на иней. Потом — на своего бывшего командира. Потом — на дверь, за которой скрылась хозяйка.

Вздохнул. Тяжело, со вкусом, совершенно как вдова Пумм.

И пошёл ставить коней.

А вечером, в маленькой гостиной на втором этаже, у камина, Алиса открыла письмо от Клома.

Оно пришло с королевской почтой — его, видимо, отправили из Ворна сразу после их отъезда, и оно обогнало их на два дня, потому что королевская почта не останавливалась на Рыбных рынках.

Почерк — корявый, кладовичий, с ятями и ерами. Конверт — запечатан отпечатком медного ключа. Нет — не ключа, ключ был у Валериана. Отпечатком... Алиса присмотрелась. Отпечатком грантхольмского кирпича. Того, что с трещиной наискосок. Клом, видимо, вдавил воск прямо в кирпич.

«Хозяйка.

Сижу въ Грантхольмѣ. Въ печкѣ. На камнѣ. Дома.

Берта кормитъ. Эльке варитъ мыло. Хедвигъ варитъ мыло. Пимъ таскаетъ дрова. Ганна считаетъ куръ. Неправильно. Я поправляю.

Вета въ Ворнѣ за лавкой. Съ Куртомъ. Съ бабушкой Грюнъ. Вета пишетъ — прибыль. Я провѣряю. Сходится. Почти.

Теперь — главное.

Хозяйка. Въ Солмарѣ всё дорого. Я узналъ. Отъ купца Вилли Пумма, кузена Розальды. Онъ возитъ свѣчи въ Солмаръ. Онъ сказалъ — свѣча въ Солмарѣ стоитъ втрое. Дрова — вчетверо. Хлѣбъ — вдвое. Вода — тоже продаютъ. За деньги. Вода! За деньги!

Свѣчи не покупать. Дрова не покупать. Воду — тѣмъ болѣе.

Его свѣтлость — пусть свѣтитъ. Онъ всё равно свѣтится. Отъ злости. Когда Вы рядомъ.

Платья — не покупать. Тильда сошьётъ. Изъ ворнскаго сукна. Ханна прислала отрѣзъ. Тонкій. Синій. Я его самъ упаковалъ. Онъ въ сундукѣ съ мыломъ. На днѣ. Подъ брусками съ розой.

Жениховъ — не покупать. Ни за какія деньги.

Хозяйка. Я узналъ отъ Вилли Пумма ещё одно. Въ Солмарѣ есть книжка. «Наставленія благородной дѣвицѣ». Сорокъ два правила. Всѣ дѣвицы читаютъ.

Хозяйка. Не читайте.

Вы — не дѣвица. Вы — хозяйка.

Вашъ Кломъ.

Казначей. Въ бумагѣ съ печатью.

P.S. Его свѣтлости передайте — графа въ книжечкѣ на мѣстѣ. Безъ вопросительнаго знака. Пусть не надѣется, что я забылъ».

Алиса перечитала письмо. Дважды.

Последнюю строчку — трижды.

Потом сложила. Положила на колени. И долго смотрела в огонь.

Внизу, в холле, у огромного чёрного камина, в котором можно было бы зажарить быка, кто-то ходил. Туда-сюда. Медленно. Бесшумно — почти. Она знала, кто.

Он не ужинал. Она знала.

Матильда отнесла ему миску супа из лещей. Он не открыл дверь кабинета. Матильда оставила миску на пороге. Через час миска была пустой.

«Его светлость — пусть светит. Он всё равно светится. От злости. Когда вы рядом».

Алиса вдруг засмеялась. Тихо. Одна. У камина.

Потом перестала. Потому что подумала: а если он и правда рад?

И долго, очень долго сидела у огня с письмом Клома на коленях, — и считала. Не вёрсты. Не деньги. Дни.

До Зимнего бала их было пятьдесят шесть.

Глава 2. «Правило второе: о даре не говорят вслух»

«Наставления благородной девице», правило второе: «О даре своём благородная девица не говорит вслух, не показывает его без нужды и не хвалится им. Ежели дар её слаб или, что хуже, кухонного свойства, — девица молчит о нём вовсе, как молчат о дурной болезни в роду».

Первый приём сезона давала леди Аделина Морвен.

Об этом Алиса узнала из приглашения — плотного, кремового, с золотым обрезом и с печатью в виде серебряного лебедя, — которое лакей в голубой ливрее принёс в «Ледник» на третий день. Приглашение было адресовано «Его светлости герцогу Валериану фон Гранту и его подопечной». Её имени в нём не было. Только «подопечной». Как будто она была не человек, а приложение к герцогу. Сундук. Шпага. Конь.

— Это — обычай, — сказала Матильда, рассматривая приглашение на свет. — В «Наставлениях» есть. Правило девятнадцатое. «Незамужнюю девицу в приглашениях не называют по имени, а лишь по отношению к старшему родичу или опекуну, ибо имя её принадлежит ей лишь до замужества, а после — мужу».

— Тильда, — сказала Алиса. — Ты что, их читаешь?

Матильда покраснела.

— Я их выучила, — сказала она. — В карете. Все сорок два. Пока вы с его светлостью говорили о погоде. — Пауза. — Мне же надо знать. Я же горничная. При леди. В столице. — Ещё пауза. — Я должна знать, какие правила вы нарушаете.

— Клом велел не читать.

— Клом велел вам не читать, — сказала Матильда. — Мне — не велел. — Она сложила приглашение. — И потом, леди. Нельзя нарушить правило, которого не знаешь. Это — не нарушение. Это — невежество. А нарушить правило, которое знаешь, — это... — Она подумала. — Это — стиль.

Алиса посмотрела на неё с уважением.

— Тильда. Ты становишься опасной.

— Я учусь у лучших, — сказала Матильда скромно.

Леди Аделина Морвен, как выяснилось за три дня, была первой хозяйкой Солмара.

Это было почётное и неофициальное звание. Его никто не присваивал, его нельзя было купить, и его невозможно было отобрать. Первой хозяйкой просто становились — когда у твоего дома каждый вечер стоят кареты, когда твои приглашения ждут, как королевских указов, когда за отказ прийти на твой вечер можно потерять положение в обществе. Леди Морвен была первой хозяйкой уже двенадцать лет. С тех пор как овдовела.

Обо всём этом Алиса узнала от Бартоломеуса.

Кучер, получив два бруска мыла с розой и отвезя их жене, на следующее утро стал другим человеком. Он больше не смотрел на Алису как на сумасшедшую. Он смотрел на неё как на благодетельницу. Его жена — Агнесса, — по его словам, вымылась мылом с розой и «стала, как в молодости». Подробностей Бартоломеус не сообщал, но бакенбарды его при этом подозрительно топорщились.

В благодарность Бартоломеус рассказывал. Всё. Обо всех. Двадцать лет возя кареты двора, он знал о Солмаре больше, чем канцелярия, Палата и «Солмарский шёпот», вместе взятые.

— Леди Морвен, — рассказывал он, сидя на козлах и правя по Северной набережной в сторону Лебяжьего канала, где стоял её дом, — дама — правильная. Сорок два года. Вдова генерала Морвена, который при Хальдене погиб. Детей нет. Денег — много. Красивая была

— страх. Говорят, сам король в молодости вздыхал. — Он понизил голос. — Только с лицом у неё нынче что-то.

— Что? — спросила Алиса.

— Не знаю, леди. Белое очень. Как стена. Как у покойницы. — Бартоломеус сплюнул через плечо — на всякий случай, от сглаза. — Агнесса моя говорит — белила. Все знатные мажутся. Только леди Морвен — больше всех. Агнесса говорит — потому что у неё под белилами — пятна. Красные. Как ожоги. Прачка ихняя рассказывала. — Пауза. — Только это, леди, — сплетни. Вы не повторяйте.

— Не буду, — сказала Алиса.

И запомнила.

* * *

Дом леди Морвен стоял на Лебяжьем канале. Белый, трёхэтажный, с колоннадой, с балконами, с садом, спускавшимся к воде террасами. На воде — лебеди. Настоящие, белые, важные, с оранжевыми клювами. Плавали у ступенек, ведущих от сада к каналу, и шипели на гондолы, которые подвозили гостей.

В тот вечер гондол было — Алиса насчитала — шестьдесят. Карет — больше сотни. Канал был запружен. Набережная — запружена. Слуги в голубых ливреях с факелами стояли вдоль всей лестницы от причала до дверей, как огненная аллея.

Алиса вышла из кареты.

В голубом платье. Розальдином. Из второго лучшего сукна вдовы Пумм, сшитом Ханной в Вейльбурге за две ночи. Простом, без кружев, без вышивки, без рюшей. С длинными рукавами, узким лифом, широкой юбкой. С белым воротничком.

С синим шарфом с ёлкой и домиком на плечах — вместо мехового палантина, которого у неё не было.

С рыжими волосами, собранными в узел. Шпильками. Без жемчуга, без перьев, без диадемы.

Матильда заплетала её два часа. И всё равно — две пряди выбились у висков. Непослушные. Как всегда.

Валериан подал ей руку.

Он был в чёрном. В парадном. Камзол — чёрный бархат, воротник — белый. Плащ — чёрный, с серебряной застёжкой-елью. Кольцо на левой руке. Без перчаток.

С синим шарфом Веты на шее. Кривым. В дырках.

Они не разговаривали третий день. Совсем. Даже о погоде. После аудиенции, после двора, после «довольна» — «доволен», — они встречались за завтраком, обедом и ужином (он снова ел — Матильда победила), молча передавали друг другу соль и хлеб, и расходились. Она — в свою гостиную с южным окном. Он — в кабинет. Где сидел над бумагами до рассвета.

Список женихов, который он должен был представить канцлеру через две недели, ещё не был начат. Это она знала от Гуннара. Гуннар знал от Матильды. Матильда — заглянула в кабинет, когда носила ему суп.

«Чистый лист, леди, — сказала Матильда. — На столе. Перо — рядом. Чернила — высохли. Он на него смотрит. Час. Я видела».

Алиса не знала, что об этом думать. Поэтому старалась не думать.

Сейчас он подал ей руку. Она положила свою — на его. Холодная. Не очень.

Они поднялись по лестнице. Сквозь огненную аллею факелов. Мимо лебедей, которые зашипели на них с воды.

— Даже лебеди, — сказала Алиса. Себе. Тихо.

— Лебеди шипят на всех, — сказал Валериан. Тоже тихо. Не поворачивая головы. — Это их работа.

Это было первое, что он ей сказал за три дня.

Алиса покосилась на него. Он смотрел прямо перед собой. Лицо — непроницаемое.

Но шарф Веты — она заметила — был завязан аккуратнее, чем обычно. Как будто он перевязывал его. Несколько раз.

Зал леди Морвен был — Алиса потом долго искала слово — ослепительным.

Это было буквально. В нём слепило. Тысяча свечей — нет, больше, — в хрустальных люстрах, в канделябрах на стенах, в подсвечниках на столах. Зеркала — от пола до потолка, в золочёных рамах, — отражали свечи, и свечи в зеркалах отражались в других зеркалах, и казалось, что огней — миллион. Паркет — наборный, из десяти пород дерева, натёртый воском до блеска — отражал всё это снизу. Потолок — расписной, с облаками и амурами — сверху.

И в этом сиянии — люди.

Двести. Триста. Дамы — в шелках, в бархате, в парче, с декольте до самого «нельзя», с перьями в волосах, с бриллиантами на шеях, на запястьях, в ушах, в волосах. С веерами — расписными, перьевыми, кружевными. Господа — в камзолах всех цветов радуги, с орденами, с лентами, со шпагами, с напудренными париками или с собственными волосами, завитыми и уложенными так, что казались париками.

И у всех — у всех дам и у многих господ — лица были белые.

Не бледные. Белые. Как мел. Как стена. Как у фарфоровых кукол. Гладкие, ровные, без единой морщинки, без единой веснушки, без единого румянца. А поверх белого — румяна. Ярко-розовые круги на щеках. Ярко-красные губы. Чёрные брови — нарисованные, тонкие, высоко поднятые. Мушки — чёрные бархатные точки — на скулах, у губ, на подбородке.

Как маски.

Алиса остановилась на пороге. Смотрела.

И в первую секунду — подумала: театр. Маскарад. Карнавал.

А во вторую — почувствовала запах.

Под духами — тяжёлыми, сладкими, розовыми, жасминовыми, мускусными — под воском свечей, под вином, под цветами в вазах, — пахло. Тонко. Едва уловимо. Знакомо.

Металлом.

Свинцом. И ещё — чем-то острым, кисловатым. Ртутью.

Она знала этот запах. Знала с Ворна. С аптеки Брюна на соборной площади, с золотой ступкой над дверью. С флакончиков «капель Брюна» — каломель, ртуть в спирте. С жены бургомистра Штольца, которая покупала у Брюна ртутные белила.

Здесь — пахло так же. Только — в триста раз сильнее.

— Леди, — шепнула Матильда у неё за спиной. Матильда шла позади, как полагается горничной, — правило тридцать первое: «Горничная следует за госпожой на расстоянии трёх шагов и не говорит, пока к ней не обратятся». — Леди. Вы чувствуете?

— Чувствую, — сказала Алиса.

— Это же...

— Свинец. И ртуть.

Матильда замолчала. Алиса чувствовала, как она стоит у неё за спиной — неподвижно, напряжённо.

— Сколько их? — спросила Матильда шёпотом.

Алиса посмотрела на зал. На белые лица. На двести, триста белых лиц.

— Все, — сказала она.

Их объявили.

Мажордом у дверей — высокий, в голубой ливрее, с жезлом — стукнул жезлом об пол. Трижды. Зал притих.

— Его светлость герцог Валериан фон Грант, — провозгласил мажордом голосом, которым можно было бы командовать полком, — герцог Северной марки, генерал-командующий Северной армией! — Пауза. — И его подопечная.

Всё.

Без имени.

Триста белых лиц повернулись к дверям.

Алиса стояла рядом с Валерианом. В голубом платье. С синим шарфом. С рыжими волосами. Без белил. Без румян. Без мушек.

С веснушками на носу — высыпавшими ещё летом, в Вейльбурге, от южного солнца, и так и не сошедшими.

И триста белых лиц — смотрели.

Она слышала, как пошёл шёпот. По залу. Волной. От дверей — к дальней стене. Как ветер по ржи.

«Это — она?»

«Северная...»

«Рыжая...»

«Мыльница...»

«Без пудры!»

«Без пудры — в свет! Какой ужас!»

«Веснушки! У неё — веснушки!»

«Как у прачки...»

«Говорят — пустышка...»

«Пустышка! Кухонная искра!»

«Говорят — мыло варит. Сама. Руками».

«Руками!»

«И опекун её — тёмный... Говорят, она его...»

«Тише!»

«Пустышка...»

Слово катилось по залу. Пустышка. Пустышка. Пустышка. Как камешек, брошенный в пруд, — круги шли от него во все стороны, и каждое белое лицо, до которого доходил круг, — улыбалось. Чуть-чуть. Уголками нарисованных красных губ. Снисходительно. Брезгливо. Довольно.

Алиса стояла на пороге и чувствовала, как горят щёки. Под веснушками. Без белил — ей нечем было это скрыть.

Рука Валериана под её рукой — напряглась.

Она почувствовала это. Сквозь бархат рукава. Как на мосту через Лиару. Как в траншее у Сухого Колодца. Как в Логу.

И почувствовала, как в зале — у дверей, там, где они стояли, — стало холоднее. На градус. На два.

Ближайшие свечи в канделябре у дверей — дрогнули. Пламя пригнулось.

— Не надо, — сказала Алиса. Тихо. Не поворачивая головы.

— Они...

— Я знаю, что они, — сказала Алиса. — Не надо. — Пауза. — Если вы сейчас начнёте морозить — завтра весь Солмар будет говорить, что тёмный герцог защищает свою пустышку. — Ещё пауза. — Это — хуже.

Пламя у дверей — выпрямилось.

Рука под её рукой — не расслабилась. Но холод — отступил.

— Вы не пустышка, — сказал Валериан. Тихо. Сквозь зубы.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Пусть говорят.

И пошла. В зал. С поднятой головой. С веснушками. С рыжими прядями у висков.

Пустышка.

Ладно.

Посмотрим.

* * *

Леди Аделина Морвен встретила их в середине зала.

Она стояла под самой большой люстрой — хрустальной, в три яруса, с двумя сотнями свечей, — и свет падал на неё сверху, как на актрису на сцене. Высокая. Стройная. В платье из серебристой парчи — с огромным кринолином, с длинным шлейфом, с декольте, отделанным кружевом. С бриллиантовым колье на шее — крупные камни, каждый с ноготь. С бриллиантовой диадемой в волосах — тёмных, уложенных высокой башней.

И с лицом — белым.

Белее всех в зале. Белее мела. Белее снега. Таким белым, что оно казалось не лицом, а маской из фарфора. Ни одной морщинки. Ни одной поры. Ни одного движения. Только глаза — тёмные, огромные, красивые — жили в этой маске. И губы — ярко-красные — шевелились, когда она говорила.

— Ваша светлость, — сказала леди Морвен. Голос — низкий, бархатный, прекрасно поставленный. — Какая честь. Вы не бывали в моём доме — сколько? Десять лет?

— Двенадцать, — сказал Валериан. — Леди Морвен.

— Двенадцать, — согласилась она. — С похорон Кристофа. — Пауза. — Он вас любил, знаете. Говорил — единственный молодой офицер, который не боится холода. — Улыбка. Красными губами. Белое лицо при этом не двинулось ни на волос. — Как будто это было удивительно. Для холодного мага.

— Генерал Морвен был хорошим командиром, — сказал Валериан. — Хальден — не его вина.

— Нет, — сказала леди Морвен. — Не его. — И тёмные глаза на белом лице на мгновение стали другими. Не светскими. Живыми. Больными. — Не его вина. — Пауза. Потом — снова светская улыбка. — А это — ваша подопечная?

Она повернулась к Алисе.

Посмотрела. Сверху вниз — она была выше на полголовы. С головы до ног. Голубое платье. Синий шарф. Рыжие волосы. Веснушки.

Долго.

Алиса ждала. Что она скажет «пустышка». Или «мыльница». Или — промолчит, презрительно, и повернётся к другим гостям.

— Леди Лейн, — сказала Аделина Морвен.

Алиса вздрогнула.

По имени. Не «подопечная». По имени.

— Леди Морвен, — сказала Алиса. И сделала реверанс. Три удара сердца.

— Я слышала о вас, — сказала леди Морвен. — Всё. Всё, что говорят. — Пауза. — Мыло. Мор. Колодцы. Шерсть. — Ещё пауза. — Говорят, вы в Ворне вычистили два колодца. Сами. И нашли в воде каких-то зверюшек. Через стекло.

— Нашла, — сказала Алиса.

— И говорят, что зверюшки — это то, от чего умирают. — Тёмные глаза смотрели на неё. Внимательно. — Не от проклятия. Не от грехов. Не от сглаза. От зверюшек.

— От грязи, — сказала Алиса. — Зверюшки живут в грязи.

Леди Морвен помолчала.

— Мой Кристоф, — сказала она, — умер не при Хальдене. Его ранили при Хальдене. В бедро. Царапина. — Пауза. — А умер он через три недели. В лазарете. От горячки. От гниения. — Ещё пауза. — Лекари говорили — воля Пламени.

Алиса смотрела на неё.

— Мне жаль, — сказала она.

— Мне тоже, — сказала леди Морвен. — Двенадцать лет. — И вдруг — Алиса не поверила — белое неподвижное лицо дрогнуло. Едва-едва. В уголке глаза. Как трещинка в фарфоре. — Мне говорили, что вы и рану одну вылечили. Летом. По дороге в Вейльбург. Гнилую. Мёдом. — Пауза. — Его светлости.

Валериан рядом стоял неподвижно.

— Вылечила, — сказала Алиса.

Леди Морвен посмотрела на Валериана. Потом — снова на Алису. Долго.

— Мы ещё поговорим, леди Лейн, — сказала она. — Позже. Не здесь. — И снова — светская улыбка. Красными губами. — А пока — развлекайтесь. Вас тут, кажется, уже обсуждают.

Она отвернулась. К другим гостям. Плавно. Величественно. В серебристой парче.

Но Алиса успела заметить. Когда леди Морвен поворачивала голову — свет люстры упал на её щёку. Сбоку. Под углом. И там, под белилами — под толстым, ровным, фарфоровым слоем — проступило что-то. Пятно. Неровное. Красноватое. Как ожог.

Как у Бартоломеусовой прачки в рассказе.

Алиса стояла посреди зала. Смотрела ей вслед.

— Вы видели? — спросила она Валериана. Тихо.

— Видел, — сказал Валериан. — Что?

— Её щёку.

Он помолчал.

— Нет, — сказал он. — Щёку — не видел. — Пауза. — Я видел, что она назвала вас по имени.

Алиса посмотрела на него.

— Это — важно? — спросила она.

— Здесь, — сказал Валериан, — это — всё.

Потом был вечер.

Алиса потом не могла вспомнить его по порядку. Только — отрывками. Как сон. Как дорога в метель.

Музыка — скрипки, виолы, клавесин — где-то в углу, за колоннами. Танцы — она не танцевала, её никто не пригласил. Вино — она не пила, только держала бокал, потому что правило сорок второе гласило «девица в свете держит в руке бокал, дабы не казаться неприкаянной».

Лица. Белые. Улыбающиеся. Проходящие мимо. Останавливающиеся на мгновение — посмотреть, — и проходящие дальше.

Шёпот. За спиной. Везде.

«Пустышка».

«Кухонная искра».

«Мыльница».

«Говорят, у неё в сундуке бес».

«Бес! Ну конечно, бес. С бытовым даром — какой ещё может быть фамильяр?»

«Говорят, она герцога...»

«Тише!»

Валериана рядом не было. Его увели — почти сразу, как леди Морвен отошла, — какие-то господа в мундирах. Офицеры. Генералы. Разговоры о войне, о границе, о каррадцах. Он оглянулся на неё — один раз, через весь зал, — и она кивнула ему: иди. И он ушёл. За колонны. В дальний конец зала.

Матильда стояла у неё за спиной. В трёх шагах. Как полагается.

Алиса стояла у колонны. С бокалом. Одна.

И думала, что в «Хромом гусе» с клопами было — уютнее.

Маркиза Иоланта Сарн подошла к ней в одиннадцатом часу.

Алиса не знала, кто это. Пока не услышала шёпот — тот, который шёл впереди маркизы, как волна перед кораблём.

«Иоланта...»

«Маркиза Сарн...»

«Племянница графа...»

«Огонь...»

«Говорят, метит в герцогини...»

«В какие?»

«Да в его же! В фон Грант!»

«Тише!»

Иоланта Сарн была — красавица.

Это было первое и единственное, что можно было о ней сказать сразу. Красавица. Без оговорок. Высокая, тонкая, гибкая, как язык пламени. С волосами — не рыжими, как у Алисы, — огненными. Тёмно-медными, с красным отливом, уложенными в сложную причёску из локонов и кос, перевитых золотыми нитями. С глазами — янтарными, как у кошки, с золотыми искрами. С кожей — Алиса присмотрелась — без белил. Единственная в зале. Своя кожа. Матовая, светлая, безупречная. Без единой веснушки.

С губами — своими, красными, полными.

В платье — алом. Шёлковом. Облегающем, как вторая кожа. С глубоким вырезом. С длинным шлейфом, который тянулся за ней по паркету, как хвост кометы.

И на шее — золотой медальон. Небольшой. Овальный. С выгравированным знаком.

Пламя. В три языка.

Иоланта остановилась перед Алисой. В двух шагах. Посмотрела на неё. Сверху вниз — она была выше. Янтарными кошачьими глазами.

— Леди Лейн, — сказала она. Голос — низкий, хрипловатый, с ленцой. — Северная мыльница.

— Маркиза, — сказала Алиса. И сделала реверанс. Три удара сердца.

— Я — Иоланта, — сказала маркиза. — Сарн. — Пауза. — Вы, наверное, слышали о моём дяде.

— Слышала, — сказала Алиса.

— Он о вас — тоже. — Иоланта улыбнулась. Красными губами. — Он говорит, вы — очень интересный экземпляр. — Пауза. — Пустышка, которая думает, что умеет колдовать.

Шёпот вокруг — затих. Все слушали. Все смотрели. Белые лица повернулись к колонне, у которой стояли две женщины. Одна — в алом. Другая — в голубом.

— Я не колдую, маркиза, — сказала Алиса. — Я варю мыло.

— Варите, — повторила Иоланта. С наслаждением. — Мыло. Руками. — Пауза. — Как прачка.

— Как мыловарка, — поправила Алиса.

— Какая разница? — Иоланта пожала тонким плечом. — Прачка. Мыловарка. Кухарка. — Она посмотрела на голубое платье. — Это — сукно? — Пауза. — Шерсть? На приёме у леди Морвен? — Ещё пауза. — Вы, наверное, и это — сами?

— Это — сукно вдовы Пумм из Хаммерталя, — сказала Алиса. — Шила ткачиха Ханна Вейс из Вейльбурга. — Пауза. — Подарок.

— Подарок, — повторила Иоланта. — От вдовы. От ткачихи. — Она засмеялась. Низко, хрипловато, с ленцой. — Какие у вас трогательные друзья, леди Лейн. Вдовы. Ткачихи. Прачки. — Пауза. — Беспризорники, говорят. Какой-то стекольщик-сумасшедший. Однорукий конюх.

— Она посмотрела через плечо Алисы — туда, где у колонны стояла Матильда. — Горничная — с рыжей косой. Тоже — прачкина дочь?

Матильда за спиной Алисы застыла.

— Дочь Марты Брам, — сказала Алиса. Ровно. — Прачки из Нижних Порогов. — Пауза. — Лучшей прачки в Северной марке.

— Как мило, — сказала Иоланта.

И улыбнулась.

И подняла руку. Изящно. Лениво. Как будто поправляла локон у виска.

И Алиса увидела — на кончике её указательного пальца, на мгновение, на долю мгновения, — искру. Крошечную. Оранжевую. Как от огнива.

Искра сорвалась с пальца.

Упала.

На подол голубого платья.

Запахло палёным.

Алиса посмотрела вниз.

На подоле — там, где голубое сукно Розальды касалось паркета, — расползалось пятно. Чёрное. Неровное. С рыжей каймой по краю. С тонкой струйкой дыма. Величиной с ладонь. Потом — с две.

Шерсть горела. Не пламенем — тлела. Как тлеет шерсть — медленно, вонюче, скручиваясь. Едко. Палёным волосом.

— Ой, — сказала Иоланта. Красными губами. С ленцой. — Ой, какая неприятность. Простите, леди Лейн. Я — нечаянно. — Пауза. — Это — дар. Огненный. Бывает, знаете, — вырывается. Сам. Когда волнуешься. — Она улыбнулась. — У вас, наверное, так не бывает? С вашим... кухонным?

Зал смотрел.

Двести, триста белых лиц. Молча. Затаив дыхание.

Кто-то хихикнул. Тонко, по-девичьи. За веером.

Кто-то — ещё.

Алиса стояла у колонны. Смотрела на пятно. На тлеющий подол. На дым.

На Розальдино сукно. Второе лучшее. Первое лучшее лежало в могиле на сто шестидесятой версте. Под мальчиком.

Она почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее. Как тогда, в Логу. Как тогда, над Отмаром.

Где-то в дальнем конце зала — за колоннами, у окон, где стояли офицеры, — она краем глаза увидела, как резко обернулась чёрная фигура. Как рванулась вперёд. Как свечи в канделябрах у окон — пригнулись.

Нет.

Она закрыла глаза. На мгновение. Одно.

И подумала о хорошем. О тёплом.

О Розальде. О её первом сопрано. О «двадцать четвёртая пара — самая красивая». О голубой ленте в волосах. О серьгах Ханны с капельками синего стекла. О «вейльбургском круге». Раз-два-три.

Открыла глаза.

Наклонилась. Медленно. Спокойно. Без спешки.

И положила ладонь на тлеющий подол.

Пятно было горячим. Шерсть под пальцами — жёсткой, скрученной, ломкой. Как ёж. Как горская шерсть до синергии.

Она закрыла глаза снова.

И почувствовала.

Не огонь — огонь был снаружи, и его она погасила сразу, одним движением, не думая: забрала жар из тлеющих волокон, как забирала его из перегретого котла в лавке, когда мыло начинало «убегать». Тлеющие нити — остыли. Дым — исчез.

А потом — дальше. Глубже.

Волокна. Шерсть. Тонкая, южная, Розальдина. Которая под искрой — не сгорела. Не вся. Только верхний слой. Опалилась. Скрутилась. Почернела — не от того, что сгорела, а от копоти, от сажи, которая осела на скрученных кончиках.

Под копотью — шерсть была цела.

Она знала, как с этим. Она делала это сто раз. Не с шерстью — с тканями. Там, в Твери, в своей мастерской. Когда ученица Даша подпаливала утюгом льняную скатерть. Когда сама Алевтина Сергеевна — сорок один год, технолог, — проливала на хлопковый фартук горячий воск. Сажа — это жир и уголь. Жир — растворяется. Уголь — отходит, если растворился жир. Это — мыло. Это — её.

А скрученные волокна — их можно выпрямить. Как в Вейльбурге. Как горскую шерсть в чане под грушей. Тепло — и направление. Каждому волокну: «Вот так. Ровно. Рядом с соседом».

Она держала ладонь на подоле.

Чувствовала, как под ладонью копоть — отходит. Рассыпается. Чёрная пыль — едва заметная — оседает на паркет. Как скрученные кончики волокон — один за другим, медленно — распрямляются. Ложатся. Как ворс — снова поднимается. Ровный. Мягкий.

Голубой.

Пять ударов сердца. Десять. Двадцать.

Она открыла глаза.

Убрала ладонь.

Выпрямилась.

На подоле голубого платья — там, где мгновение назад было чёрное тлеющее пятно величиной с две ладони, — было голубое сукно. Ровное. Чистое. Мягкое. Без единого следа. Только на паркете у её ног — горстка чёрной пыли. Как от погасшей свечи.

И едва уловимый запах палёного волоса — уже уходящий.

Алиса посмотрела на Иоланту.

Иоланта смотрела на подол. Янтарные глаза — расширены. Красные губы — приоткрыты.

— Ничего страшного, маркиза, — сказала Алиса. Спокойно. Вежливо. Три удара сердца. — Бывает. — Пауза. — У меня тоже. Вырывается. Когда волнуюсь.

Тишина.

Двести, триста белых лиц — молчали.

Никто не хихикал за веером.

Никто не шептал «пустышка».

Алиса стояла у колонны. В голубом платье. Без пятна. С синим шарфом. С рыжими прядями у висков. С веснушками на носу.

И зал — не знал, что делать.

Она видела это. Видела, как триста белых лиц переглядываются. Как растерянно моргают нарисованные чёрные брови. Как шевелятся красные губы — беззвучно, неуверенно. Смеяться? Ахать? Отворачиваться?

Бояться?

Кухонная искра. Пустышка. Мыльница. Сделала — то, чего не может ни один огненный маг в этом зале. Ни один. Ни сама Иоланта. Огонь — жжёт. Огонь не умеет — возвращать.

А она — вернула.

Двор не знал, смеяться или бояться.

И поэтому — молчал.

Иоланта Сарн улыбнулась. Наконец.

Медленно. Красными губами. Не светски. По-другому. Как улыбается кошка, которая только что поняла, что мышь — не мышь.

— Леди Лейн, — сказала она. Низко, хрипловато. Без ленцы. — Вы — интересный экземпляр. — Пауза. — Дядя был прав.

— Благодарю, маркиза, — сказала Алиса.

Иоланта посмотрела на неё ещё секунду. Янтарными глазами. В которых плясали золотые искры.

Потом — отвернулась. Плавно. Величественно. В алом шёлке. Со шлейфом, как хвост кометы.

И ушла. Через зал. Сквозь расступающуюся толпу.

Алиса стояла у колонны.

Ноги — дрожали. Руки — дрожали. Бокал в руке — она только сейчас заметила, что всё это время держала его, — дрожал тоже. Вино плескалось у края.

— Леди, — сказала Матильда у неё за спиной. Шёпотом. Нарушив правило тридцать первое. — Леди. Вы...

— Я знаю, — сказала Алиса. — Тильда. Я знаю.

— Это было... — Матильда не нашла слова.

— Это было глупо, — сказала Алиса. — Правило второе. «О даре не говорят вслух. Не показывают без нужды». — Пауза. — Я показала. При всех.

— Это было — красиво, — сказала Матильда.

Алиса обернулась к ней. Матильда смотрела на неё — рыжая, конопатая, с горящими глазами, — и сжимала кулаки так, что побелели костяшки.

— Она сказала про маму, — сказала Матильда. Тихо. — «Прачкина дочь». — Пауза. — А вы сказали — «лучшая прачка в Северной марке».

Алиса не ответила.

И тут — рядом — стало холодно.

* * *

Он стоял в двух шагах.

Алиса не видела, как он подошёл. Он всегда подходил бесшумно. Как кот. Как снег.

Он стоял и смотрел на неё. На подол платья — голубой, чистый. На горстку чёрной пыли на паркете. На её руки — дрожащие. На бокал — дрожащий.

Лицо — белое. Белее, чем у леди Морвен под белилами.

Глаза — не серые. Тёмные.

Свечи в ближайшем канделябре — Алиса видела краем глаза — горели низко. Пригнувшись. Как будто их прижимал ветер. Которого не было.

— Вы... — сказал Валериан. Голос — хриплый. — Она...

— Всё в порядке, — сказала Алиса.

— Она прожгла вам платье. При всех. Нарочно.

— Я знаю.

— Я видел. Через весь зал. Я... — Он замолчал. — Я бежал.

Алиса смотрела на него.

— Вы бежали, — сказала она. — Через зал леди Морвен. При всём дворе.

— Бежал, — сказал он.

— Тёмный герцог. Генерал-командующий. Бежал. Через зал. — Пауза. — Из-за подпалины на платье.

Он молчал.

— Валериан, — сказала Алиса. Тихо. Так, что никто, кроме него и Матильды, не мог услышать. — Завтра весь Солмар будет говорить не о подпалине. А о том, как вы бежали.

Он смотрел на неё. Долго.

— Пусть говорят, — сказал он.

Алиса моргнула.

Это были её слова. Её. Сказанные час назад, у дверей, когда шёпот «пустышка» катился по залу.

«Пусть говорят».

— Это — мои слова, — сказала она.

— Я помню, — сказал Валериан. — Вы — мне. У дверей. — Пауза. — Теперь — я вам.

Они стояли у колонны. В двух шагах. Смотрели друг на друга.

Три дня — не разговаривали. Девятнадцать дней — говорили о погоде. Четыре месяца — не виделись.

А сейчас — стояли и смотрели.

— Вы её не заморозили, — сказала Алиса.

— Нет.

— Хотели.

— Хотел, — сказал Валериан. — Очень. — Пауза. — А потом увидел, как вы положили руку на подол. — Ещё пауза. — И остановился.

— Почему?

Он помолчал.

— Потому что, — сказал он, — вы сделали лучше. Чем я бы сделал. — Пауза. — Я бы — заморозил. Её. Или её искру. Или ползала. — Ещё пауза. — И завтра все говорили бы, что тёмный герцог защищает свою пустышку.

Алиса смотрела на него.

— А так, — сказал Валериан, — завтра все будут говорить, что пустышка сделала то, чего не может маркиза Сарн. — Он помолчал. — Голыми руками. При всех. И не пролила вино.

Алиса посмотрела на бокал. Вино — у самого края. Не пролилось.

Она засмеялась.

Тихо. Устало. Впервые за три дня.

Он не засмеялся. Но угол его рта — левый — поднялся. Чуть-чуть.

И свечи в канделябре — выпрямились.

Они уехали за полночь.

Леди Морвен проводила их до дверей. Сама. Нарушив, как потом сказала Матильда, правило сорок первое: «Хозяйка дома не провожает гостей, кроме особ королевской крови».

На пороге — под факелами, над лестницей к каналу, где шипели лебеди, — она остановилась. Посмотрела на Алису. Белым неподвижным лицом. Тёмными живыми глазами.

— Леди Лейн, — сказала она. Тихо. — Это было — хорошо.

— Благодарю, леди Морвен.

— Иоланта Сарн двенадцать лет жжёт подолы на моих приёмах, — сказала леди Морвен. — Тем, кто ей не нравится. — Пауза. — Двенадцать лет. — Ещё пауза. — Вы — первая, кто не заплакал. И не убежал. — Она помолчала. — И не попросил герцога заморозить её.

Алиса молчала.

Леди Морвен посмотрела на Валериана. Потом — снова на Алису.

— Приходите ко мне, — сказала она. — Одна. Без опекуна. В четверг. Утром. — Пауза. — Мне нужно с вами поговорить.

— О чём? — спросила Алиса.

Леди Морвен не ответила сразу.

Свет факела упал на её щёку. Сбоку. Под углом. И там, под белилами, — Алиса увидела снова. Пятно. Красноватое. Неровное. Как ожог.

— О зверюшках, — сказала леди Морвен. — Которые живут в грязи.

И ушла. В дом. В сияние тысячи свечей.

В карете Матильда молчала всю дорогу до Северной набережной.

Только у самых ворот «Ледника», когда Бартоломеус остановил лошадей, а Валериан спешился, чтобы подать руку, — Матильда вдруг сказала. Тихо. Глядя в окно.

— Леди. Я сегодня решила.

— Что, Тильда?

— Я больше не буду ходить в трёх шагах, — сказала Матильда. — Правило тридцать первое. — Пауза. — Я буду ходить — рядом.

Алиса посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что, — сказала Матильда, — если кто-нибудь ещё раз скажет про маму «прачкина дочь» — я хочу стоять рядом. Чтобы сказать: «Да. Прачкина. Лучшая в Северной марке». — Она помолчала. — Сама.

Дверца кареты открылась. Валериан протянул руку.

Алиса вложила свою.

Холодная.

Не очень.

«Солмарскій шёпотъ» вышел на следующее утро.

Его продавали мальчишки на каждом углу — листок серой бумаги, исписанный мелким убористым почерком с обеих сторон, сложенный вчетверо. Переписанный от руки — десятками писцов, говорили, по ночам, где-то в Нижних слободах, — потому что печатных станков в Асдерии не было. Грош за листок. Читали все. От служанок до герцогинь. Отрицали — тоже все.

Бартоломеус принёс листок в «Ледник» вместе с утренним хлебом. Положил на кухонный стол. Ушёл, не сказав ни слова, — только бакенбарды топорщились подозрительно.

Матильда прочитала первая. Потом — отнесла наверх.

Алиса прочитала за завтраком. Вслух. Потому что Валериан сидел напротив, и Гуннар у двери, и Йенс Кольбах с Мюллерами на кухне за стеной, — и все хотели знать.

«СОЛМАРСКІЙ ШЁПОТЪ. Выпускъ первый сего сезона.

Въ столицу прибыла сѣверная мыльница.

Да-да, любезные читательницы, та самая. Рыжая. Съ веснушками (!). Безъ пудры (!!). Въ шерстяномъ платьѣ (!!!) на приёмѣ у первой хозяйки Солмара. Подопечная тёмнаго герцога фонъ Гранта, о которой вся столица шепчется съ весны: мыло, моръ, колодцы, бѣсъ въ сундукѣ, горцы съ волынками и тридцать тысячъ немытыхъ купцовъ въ чанахъ.

Пустышка. Кухонная искра. Мыльница.

Такъ говорили всѣ — до одиннадцатаго часа вечера.

Въ одиннадцатомъ часу маркиза И. С. (не будемъ называть имёнъ, но огонь у неё фамильный) по своему обыкновенію прожгла мыльницѣ подолъ. Нечаянно, разумѣется. Какъ всегда.

Мыльница не заплакала. Не убѣжала. Не упала въ обморокъ. Не позвала опекуна.

Мыльница наклонилась, положила ладонь на подолъ — и подпалина исчезла. Совсѣмъ. Безъ слѣда. На глазахъ у трёхсотъ свидѣтелей.

Кухонная искра, любезныя читательницы, сдѣлала то, чего не умѣетъ ни одна огненная. Огонь жжётъ. Огонь не возвращаетъ.

Двору остаётся рѣшить: смѣяться — или бояться?

А пока дворъ рѣшаетъ — сообщаемъ ещё одну новость, ничуть не менѣе удивительную. Тёмный герцогъ фонъ Грантъ, извѣстный всей столицѣ ледяной невозмутимостью, — бѣжалъ. Черезъ весь залъ леди М. Едва не сбивъ съ ногъ двухъ генераловъ и одного епископа.

Бѣжалъ — къ подопечной.

Изъ-за подпалины.

Ставки, любезные читательницы, принимаются.

Вашъ вѣрный Шёпотъ».

Алиса дочитала. Опустила листок.

Тишина.

Матильда у буфета прижала ладонь ко рту. Гуннар у двери смотрел в потолок. На кухне за стеной что-то упало — кажется, Ганс Мюллер уронил сковородку.

Валериан сидел напротив. С куском хлеба в руке. Неподвижно.

— «Ставки принимаются», — сказала Алиса.

Валериан молчал.

— «Едва не сбив с ног двух генералов и одного епископа», — сказала Алиса.

— Одного генерала, — сказал Валериан. — Ровно. — Пауза. — Епископа — не было. Это — преувеличение.

Алиса посмотрела на него.

— А генерал был?

Пауза.

— Был, — сказал Валериан. — Фон Штайн. Командующий Южной армией. — Ещё пауза. — Он упал на десертный стол. — Он помолчал. — В пирожные.

Матильда у буфета издала звук, который можно было бы принять за чихание, если бы она не согнулась при этом пополам.

Алиса смотрела на Валериана.

Он смотрел на свой хлеб.

— Вы сбили с ног командующего Южной армией, — сказала она. — Бегом. Через зал. — Пауза. — Из-за подпалины на моём подоле.

— Он стоял на дороге, — сказал Валериан.

— В пирожные.

— В пирожные, — согласился Валериан. — С заварным кремом. — Пауза. — Он мне это припомнит. На следующем военном совете.

Алиса не выдержала.

Засмеялась. Громко. На весь «Ледник». Впервые с тех пор, как они приехали в Солмар.

Матильда у буфета — тоже. Гуннар у двери — хмыкнул. На кухне за стеной — Мюллеры, хором.

Валериан сидел за столом, с куском хлеба в руке, и смотрел, как она смеётся.

И — Алиса видела это, сквозь слёзы, сквозь смех — угол его рта поднимался. Медленно. Сначала левый. Потом — правый.

Он не засмеялся.

Но улыбался.

Обеими сторонами.

Глава 3. «Правило третье: дамы не потеют»

«Наставления благородной девице», правило третье: «Благородная дама не потеет, не краснеет, не бледнеет без нужды и не имеет на лице веснушек, родинок, пятен и иных следов простой жизни. Для того существуют белила, румяна и пудра, коими дама обязана пользоваться ежедневно, как молитвой».

Дамская уборная во дворце Пламенного Трона называлась Лилейной комнатой.

Алиса узнала это в среду, на втором приёме сезона — на этот раз во дворце, в Зеркальной галерее, где король давал «малый вечер для избранных», на который избранных набралось человек четыреста. Она узнала это потому, что через два часа после начала вечера ей понадобилось — по самой простой и самой человеческой надобности, о которой «Наставления» деликатно молчали, — выйти. И лакей в золотой ливрее, к которому она обратилась, посмотрел на неё с жалостью, как на дикарку, и сказал: «В Лилейную комнату, леди. Налево, третья дверь. Там дамы приводят себя в порядок».

Алиса пошла налево. Третья дверь.

И остановилась на пороге.

Лилейная комната была большой, светлой, жарко натопленной. Стены — обитые бледно-розовым шёлком. Потолок — с лепниной в виде лилий. Пол — розовый мрамор. Вдоль стен — зеркала. Высокие, в золочёных рамах, с маленькими столиками перед ними. На столиках — баночки. Сотни баночек. Фарфоровых, стеклянных, серебряных, золотых. Коробочки. Флаконы. Кисточки. Пуховки. Щипчики. Ножнички. Мушки в шкатулках.

И перед зеркалами — дамы.

Человек двадцать. Сидели на низких пуфах, наклонившись к зеркалам, — и работали. Это было именно то слово. Не «прихорашивались» — работали. Сосредоточенно, молча, быстро, как ремесленники в мастерской. Подправляли.

Одна — молодая, лет восемнадцати, тонкая, с испуганными глазами — накладывала белила. Из фарфоровой баночки с нарисованной лилией. Пальцами. Густо. Слоем. На лоб, на щёки, на подбородок, на шею. Белила были похожи на сметану — густые, жирные, ослепительно-белые. Под ними исчезало всё — румянец, веснушки, родинки, сама кожа. Оставалась маска.

Другая — постарше, лет тридцати — накладывала румяна. Из серебряной коробочки. Кисточкой. Ярко-розовые. Двумя кругами на скулах. Румяна были похожи на толчёный кирпич с блёстками.

Третья — красила губы. Чем-то ярко-красным, густым, с металлическим отливом. Из крошечной золотой баночки.

Четвёртая — сидела перед зеркалом, держа в руке мокрый платок, и тёрла лицо. Под белилами — Алиса видела в зеркале — была кожа. Красная. Воспалённая. Шелушащаяся. С тёмными пятнами у висков. Женщина тёрла её платком, морщилась, тёрла снова, потом — брала баночку с лилией и накладывала белила поверх. Ещё толще. Ещё белее.

Пятая — молодая, красивая, с тёмными локонами — сидела с закрытыми глазами, прижав пальцы к вискам. Лицо — белое. Губы — красные. Руки — Алиса присмотрелась — дрожали. Мелко. Непрерывно. Как у старухи.

И запах.

Тот самый. Только здесь, в жарко натопленной комнате, без окон, — в двадцать раз сильнее, чем в зале у леди Морвен. Металл. Свинец. Ртуть. Тяжёлый, сладковатый, приторный запах, от которого у Алисы сразу заболела голова — тупо, над бровями, — и во рту появился привкус, как будто она лизнула медную монету.

Она стояла на пороге и смотрела.

Двадцать женщин. Молодых, красивых, богатых, знатных. Которые каждый день — «как молитвой» — накладывали себе на лица яд. Толстым слоем. Пальцами. И втирали. И дышали им. И ели с губ.

А потом — тёрли красную воспалённую кожу и накладывали ещё.

И сидели с закрытыми глазами, прижав пальцы к вискам, с дрожащими руками.

— Вы чего встали, милочка? — сказала одна из дам. Та, что красила губы. Не оборачиваясь — в зеркало. — Заходите. Или выходите. Дверь не держите — дует.

Алиса зашла.

Подошла к пустому зеркалу. Села на пуф.

Посмотрела на себя.

Рыжая. Веснушки на носу. Своя кожа — загорелая ещё с лета, обветренная, с крошечным шрамиком над бровью, который остался от прежней Алисы, с какого-то детского падения. Своя. Живая. Розовая на щеках — от жары в комнате.

Двадцать белых лиц в двадцати зеркалах вокруг.

И одно — её.

— О, — сказала дама с красными губами. Повернулась. Посмотрела. — Это же та. Мыльница.

Все двадцать — обернулись.

— Та, которая подол... — сказала молодая с испуганными глазами. Шёпотом.

— Та, — согласилась дама с красными губами. Она была лет сорока, полная, с тремя подбородками под белилами и с бриллиантами в ушах величиной с горошину. — Графиня Ульрика фон Бек, — представилась она. Не вставая. — Мой муж — главный ловчий. А вы, милочка, — без белил?

— Без белил, — сказала Алиса.

— Совсем?

— Совсем.

— И без румян?

— И без румян.

— И с веснушками?

— С веснушками.

Графиня фон Бек смотрела на неё. Долго. Как на диковинного зверя в королевском зверинце.

— Милочка, — сказала она наконец. С искренним, почти материнским сочувствием. — Да вам же, наверное, стыдно.

— Почему? — спросила Алиса.

Графиня растерялась.

— Ну как же, — сказала она. — Веснушки. Это же — как у прачки. Как у торговки. Как у... — Она поискала слово. — Как у всех. А мы — не все. — Пауза. — Правило третье. «Благородная дама не имеет на лице следов простой жизни».

— А что у неё есть? — спросила Алиса.

Графиня моргнула.

— Что?

— У благородной дамы, — сказала Алиса. — Если не следы простой жизни — то что?

Графиня фон Бек открыла рот. Закрыла.

— Белила, — сказала молодая с испуганными глазами. Тихо. — Белила и румяна.

Алиса повернулась к ней.

— Можно? — спросила она. И кивнула на баночку с лилией, которая стояла перед девушкой.

Девушка посмотрела на неё. На баночку. Снова на неё. Потом — неуверенно — протянула.

Алиса взяла баночку. Фарфоровую, тонкую, расписанную лилиями и золотом. На донышке — печать. Сургучная, красная. Ступка с пестиком. И надпись по кругу, мелкими буквами: «Гильдія аптекарей вольнаго города Солмара. Лилейныя бѣлила. Мастеръ К. Винклеръ».

Ступка с пестиком.

Как над дверью аптеки Брюна в Ворне. Золотая ступка с пестиком на соборной площади.

Брюн. Ртутные капли. Ртутные белила для жены бургомистра Штольца. Рудники под Каррадской границей.

Алиса открыла баночку. Понюхала.

Металл. Свинец. Густой, сладковатый, тяжёлый запах.

Она окунула палец. Растёрла между пальцами. Жирно. Тяжело. Как мокрый мел, смешанный с салом. И ещё что-то — мелкое, скрипучее, едва ощутимое. Как песок.

Она знала, что это. Знала — оттуда. Из Твери. Из учебника по истории косметики, который она читала, когда открывала свою мыльную мастерскую. Из главы, которая называлась «Красота, которая убивает».

Свинцовые белила. Церусса. Основной карбонат свинца, растёртый с жиром. Им белили лица в Риме, в Венеции, при Елизавете Английской. Королева Елизавета — Алевтина помнила картинку в учебнике — к шестидесяти годам была лысой, с изъеденной кожей, с выпавшими зубами, и накладывала белила слоем в палец. Чтобы скрыть то, что сделали с ней белила.

Круг. Как у Майи в «Хромом гусе». Как у Ханны с Морсом. Ты мажешь — кожа портится. Кожа портится — ты мажешь больше. Чтобы скрыть.

Пока не умрёшь.

— Хорошие белила, — сказала графиня фон Бек. — Лучшие в Солмаре. Винклер — мастер. Глава гильдии. Две марки баночка. Но — стоит.

— Сколько вы их носите? — спросила Алиса.

— Что?

— Белила. Сколько лет?

Графиня подумала.

— С пятнадцати, — сказала она. — Как в свет вышла. Двадцать пять лет. — Пауза. — Каждый день.

— А голова болит?

Графиня моргнула.

— Что?

— Голова, — повторила Алиса. — Болит? Вот здесь. — Она коснулась лба. Над бровями. — Тупо. По утрам. Каждый день.

Графиня фон Бек смотрела на неё. Долго. И Алиса видела, как под белилами, под фарфоровой маской, в маленьких глазках — что-то меняется.

— Болит, — сказала графиня. Тихо. — Двадцать лет. — Пауза. — Лекарь говорит — мигрень. Говорит — от нервов. Говорит — у всех знатных дам.

— У всех, — повторила Алиса. Она посмотрела на девушку с испуганными глазами. — А у вас?

Девушка кивнула. Молча.

— А руки дрожат? — Алиса посмотрела на ту, с тёмными локонами, которая сидела с закрытыми глазами, прижав пальцы к вискам. — Мелко. Всё время. Даже когда спокойны.

Та открыла глаза. Посмотрела на свои руки. Дрожащие.

— Дрожат, — сказала она. — С весны. — Пауза. — Лекарь сказал — малокровие. Сказал — пить красное вино. — Ещё пауза. — Я пью. Не помогает.

— А во рту — привкус? — спросила Алиса. — Как будто медную монету лизнули?

Тишина.

Двадцать женщин смотрели на неё. Двадцать белых лиц. Двадцать пар глаз.

— Есть, — сказала дама, которая тёрла красную кожу платком. — Привкус. — Она положила платок. — Всегда. Я думала — это от зубов. У меня зубы... — Она осеклась. Прижала руку ко рту.

Алиса смотрела на неё.

Она хотела сказать. Прямо сейчас. Здесь. Всё. Что это — не мигрень. Не нервы. Не малокровие. Не зубы. Что это — свинец. И ртуть. В баночках с лилиями. С печатью гильдии аптекарей. Что они каждый день накладывают себе на лицо яд. И что он уходит не только в кожу — в кровь, в кости, в голову. Что от него болит голова, дрожат руки, выпадают волосы, гниют зубы, слепнут глаза. Что от него сходят с ума. Что от него — умирают.

Она открыла рот.

И закрыла.

Потому что увидела, как смотрит на неё графиня фон Бек. И девушка с испуганными глазами. И дама с красной кожей. И все остальные.

Не с благодарностью. Не с надеждой.

Со страхом.

Как смотрели в Ворне женщины на Кожевенной улице, когда она сказала, что мор — от воды. Как смотрел совет в ратуше, когда она показывала «живчиков» в линзу Олдоса. Как смотрел Брюн.

Если она сейчас скажет — «ваши белила — яд», — они не поверят. Они испугаются. А испугавшись — разозлятся. На неё. Не на белила. На неё. На рыжую мыльницу с веснушками, которая пришла в Лилейную комнату и сказала, что всё, что они делали двадцать пять лет, — убивало их.

«Ведьма». «Пустышка». «Хочет, чтобы мы ходили с веснушками, как прачки».

И завтра — «Солмарский шёпот». И Гильдия аптекарей. И мастер К. Винклер.

Она закрыла баночку. Поставила перед девушкой.

— Спасибо, — сказала она. — Красивая баночка.

И встала. И вышла из Лилейной комнаты. Не сделав того, за чем приходила.

* * *

В коридоре — у окна, в нише, за тяжёлой бархатной портьерой — она остановилась. Прислонилась лбом к холодному стеклу.

Голова болела. От запаха. Тупо, над бровями.

Двадцать женщин. В одной комнате. А в Солмаре — сколько? Тысяча? Две? Все знатные дамы. И все, кто подражает знатным. Купчихи. Жёны чиновников. Дочери ремесленников, которые копят на баночку с лилией, чтобы выглядеть «как благородная».

И каждая — каждый день — как молитвой.

— Леди Лейн?

Она обернулась.

У окна стоял человек. Немолодой. Невысокий, полный, с большим животом, туго обтянутым жёлтым шёлковым жилетом. С лицом — круглым, добродушным, розовым, с двойным подбородком и с маленькими, очень умными серыми глазками. С тростью — чёрной, с серебряным набалдашником. И с ногой — правой, — обмотанной толстой фланелевой повязкой поверх чулка и обутой не в туфлю, а в мягкую войлочную бахилу.

Он опирался на трость и смотрел на неё. С любопытством.

— Простите, — сказал он. Голос — мягкий, высокий, чуть пришепётывающий. — Не хотел пугать. Я видел, как вы вышли. Оттуда. — Он кивнул на дверь Лилейной комнаты. — С таким лицом, будто увидели призрака.

— Я... — сказала Алиса.

— Барон Готфрид Креммер, — сказал человек. И поклонился. Насколько позволяли живот и нога. — Вдовец. Член Королевского совета по торговле. Подагрик. — Он постучал тростью по забинтованной ноге. — Последнее — главное. Определяет всё остальное.

— Леди Алиса Лейн, — сказала Алиса. И сделала реверанс.

— Знаю, — сказал барон Креммер. — Вся столица знает. С позавчерашнего вечера. — Он улыбнулся. Добродушно. — Подпалина. Ладонь. Ничего страшного, маркиза, бывает. — Пауза. — Это было восхитительно, леди. Я был там. Стоял у колонны напротив. Видел всё. — Ещё пауза. — Иоланта Сарн не сталкивалась с отпором — сколько? Двенадцать лет? С тех пор как начала жечь подолы.

— Мне говорили, — сказала Алиса.

— Вам говорили правду, — сказал барон Креммер. — Это редкость в Солмаре. Цените. — Он посмотрел на дверь Лилейной комнаты. Потом — на неё. Внимательно. Маленькими умными глазками. — Что вы там увидели, леди? Если не секрет?

Алиса смотрела на него. На круглое добродушное лицо. На жёлтый жилет. На забинтованную ногу.

Подагра. Мочевая кислота. Мясо, вино, пиво. Свинец — в вине тоже бывает, если вино держат в свинцовых сосудах или подслащивают свинцовым сахаром. Она помнила. Римская подагра. Сатурнизм.

— Баночки, — сказала она. — С лилиями.

Барон Креммер помолчал.

— А, — сказал он. — Винклер. — Пауза. — Вы тоже это чувствуете? Запах?

Алиса вздрогнула.

— Вы — чувствуете?

— Леди, — сказал барон Креммер, — моя покойная жена — Маргарета, пусть горит в Пламени её светлая душа, — пользовалась белилами Винклера двадцать лет. — Он помолчал. — Последние пять — не узнавала меня по утрам. — Ещё пауза. — Лекари говорили — нервная болезнь. Меланхолия. Воля Пламени.

Он смотрел на неё. Без улыбки.

— А я — член Королевского совета по торговле, леди. Я читаю отчёты. Все. Это моя работа. — Пауза. — Гильдия аптекарей Солмара закупает в год сорок бочек свинцового сурика. Сорок. Из-за Каррада. Для чего, леди? Аптекарям? — Ещё пауза. — Краску не делают. Краску делают маляры, и сурик они покупают сами. А аптекарям — сорок бочек.

Алиса молчала.

— Я задавал вопрос в совете, — сказал барон Креммер. — Три года назад. Мне ответили — для лечебных пластырей. — Он усмехнулся. — Сорок бочек пластырей. На город в двести тысяч душ. — Пауза. — Больше я вопросов не задавал. Мне намекнули, что Гильдия аптекарей — под покровительством Палаты. А Палата не любит вопросов.

Он постучал тростью по полу.

— Вы ведь не сказали им, — сказал он. Кивнув на дверь. — Тем, внутри.

— Не сказала, — призналась Алиса.

— Правильно, — сказал барон Креммер. — Не поверили бы. Разозлились бы. Побежали бы жаловаться. — Пауза. — В Солмаре нельзя говорить правду в лоб, леди. Её здесь не слышат. Её здесь — боятся.

— А как тогда?

Барон Креммер посмотрел на неё. Долго. Маленькими умными серыми глазками.

— Сбоку, — сказал он. — Шёпотом. — И улыбнулся. Добродушно. — Через одну. Через ту, которая уже боится — но не белил. А того, что под ними.

Он поклонился. Насколько позволяли живот и нога.

— Рад знакомству, леди Лейн, — сказал он. — Надеюсь, не последнему.

И ушёл. По коридору. Опираясь на трость. Прихрамывая на правую ногу в войлочной бахиле.

Алиса смотрела ему вслед.

«Через ту, которая уже боится. Того, что под ними».

Леди Морвен.

Четверг. Утром. Одна.

«О зверюшках, которые живут в грязи».

* * *

В четверг утром Алиса поехала на Лебяжий канал.

Одна.

То есть с Бартоломеусом на козлах, с Гуннаром на запятках — Гуннар наотрез отказался отпускать её одну, сказав: «Уговор, хозяйка. Я говорю — стоять, вы стоите. Я говорю — не одна, вы не одна», — и с корзинкой на коленях. В корзинке — то, что она готовила два вечера на кухне «Ледника», пока Матильда помогала, а Валериан сидел в кабинете над чистым листом и, по словам Матильды, «смотрел на перо, как на врага».

В корзинке были баночки. Простые, глиняные, с деревянными крышками, залитыми воском. Шесть штук.

Валериана она не спросила. Сказала за завтраком — «я еду к леди Морвен». Он поднял глаза от тарелки. Посмотрел. Сказал — «она звала вас одну». Она сказала — «да». Он сказал — «Гуннар». Она сказала — «конечно». Он кивнул.

Всё.

Но у ворот, когда она садилась в карету, — она видела краем глаза — в окне кабинета на втором этаже стояла чёрная фигура. И смотрела. Пока карета не свернула за угол.

Леди Морвен принимала её не в зале и не в гостиной.

В спальне.

Это было так неожиданно, что Алиса на мгновение растерялась, когда горничная — пожилая, седая, с заплаканными глазами — открыла перед ней дверь и тихо сказала: «Госпожа ждёт вас. Там».

Спальня была большой, светлой — окна на канал, на лебедей. Кровать под балдахином из бледно-голубого шёлка. Камин. Ковёр. Столик у окна — с зеркалом в серебряной раме. На столике — баночки. Фарфоровые. С лилиями.

Леди Морвен сидела у столика.

Не в парче. Не в бриллиантах. В простом утреннем платье — белом, полотняном, с кружевным воротником. С волосами — тёмными, длинными, с проседью у висков, — распущенными по плечам.

Без белил.

Алиса остановилась на пороге.

Леди Морвен смотрела на неё. Тёмными живыми глазами. Из зеркала. Не оборачиваясь.

— Закройте дверь, леди Лейн, — сказала она. Голос — низкий, бархатный, но без светских модуляций. Усталый. — Пожалуйста.

Алиса закрыла.

Подошла. Медленно.

Остановилась у столика. За спиной леди Морвен. И посмотрела — в зеркало. На её лицо.

Она видела много чего за полтора года. Мор в Ворне — синие, высохшие детские лица на тюфяках в часовне Тихого Огня. Гнилую рану Валериана в Белых Камнях — чёрно-багровую, вздутую, с жёлтым в середине. Тима — с болтом в груди, с удивлёнными глазами.

Это было — по-другому. Не страшнее. По-другому.

Лицо леди Аделины Морвен было лицом красивой женщины. Это было видно — по линии скул, высоких, точёных. По форме носа — прямого, тонкого. По разрезу глаз — миндалевидных, тёмных. По губам — полным, чётко очерченным. По подбородку. По шее. Двадцать лет назад, наверное, — король вздыхал. Бартоломеус не врал.

А на этом лице — была кожа.

Серая. Не белая, не бледная — серая. Тусклая, как старый пергамент. Сухая. Шелушащаяся мелкими чешуйками на лбу и у крыльев носа. С порами — огромными, тёмными, забитыми чем-то белым. С пятнами — красными, неровными, воспалёнными, — на обеих щеках, на висках, на подбородке. Не пятна — ожоги. Как от кипятка. Как от щёлока, который Алиса однажды в начале своей мыловаренной жизни плеснула себе на руку. Кожа на этих пятнах была тонкой, блестящей, натянутой, — а по краям — мокнущей, с жёлтыми корочками.

И у линии волос — надо лбом, у висков — волосы были редкими. Тонкими. С проплешинами. Как у старухи.

А леди Морвен было сорок два.

Она смотрела на Алису из зеркала. Тёмными живыми глазами на сером изъеденном лице.

— Вот, — сказала она. Тихо. — Вот что под ними.

Алиса молчала.

— Двенадцать лет, — сказала леди Морвен. — С похорон Кристофа. — Пауза. — До этого — я тоже мазалась. Как все. Но — немного. Кристоф не любил. Говорил — «Аделина, ты похожа на привидение. Сотри». — Ещё пауза. — Я стирала. Для него.

Она провела пальцами по щеке. По красному мокнущему пятну. Поморщилась.

— А потом он умер, — сказала она. — И я стала первой хозяйкой Солмара. И первая хозяйка должна быть — самой белой. Самой безупречной. Самой... — Она поискала слово. — Самой неживой. — Пауза. — Чтобы никто не видел, что она плачет. Что она не спит. Что она стареет. — Ещё пауза. — Я мазалась — больше всех. Толще всех. Двенадцать лет.

Она взяла со столика баночку. Фарфоровую. С лилиями. Повертела в пальцах.

— Пять лет назад появились пятна, — сказала она. — Сначала — маленькие. Как прыщики. Я мазала белилами сверху. Пятна росли. Я мазала толще. — Пауза. — Три года назад начали выпадать волосы. Я стала носить шиньоны. — Ещё пауза. — Два года назад — голова. Каждое утро. Как будто железный обруч. Я стала пить маковую настойку. Винклер продаёт. Тоже — две марки. — Она помолчала. — А год назад — руки.

Она протянула руку. Над столиком. Ладонью вниз.

Рука дрожала. Мелко. Непрерывно.

— Я не могу больше вышивать, — сказала леди Морвен. Очень тихо. — Я двадцать лет вышивала. Кристофу — рубашки. Потом — себе. Потом — для бедных, для часовни. — Пауза. — Я не могу вдеть нитку в иголку.

Алиса смотрела на дрожащую руку.

— Лекари говорят — нервы, — сказала леди Морвен. — Говорят — вдовья меланхолия. Говорят — возраст. Говорят — воля Пламени. — Она опустила руку. — Винклер говорит — нужно больше белил. Лучших. Новых. С ртутью. Они «очищают». — Пауза. — Я купила. Месяц назад. — Ещё пауза. — С ртутью — пятна стали мокнуть.

Она повернулась. Наконец. На пуфе. Лицом к Алисе. Без зеркала.

Серое изъеденное лицо. Красные мокнущие пятна. Редкие волосы у висков. Тёмные живые глаза.

— Леди Лейн, — сказала она. — Вы сказали в моём зале — «от грязи». Зверюшки живут в грязи. Кристоф умер от грязи. В лазарете. — Пауза. — А это — тоже грязь?

Алиса смотрела на неё.

Теперь — можно было сказать. Здесь. Ей. Одной. Той, которая уже боится — но не белил. А того, что под ними.

— Это — не грязь, — сказала Алиса. — Это — яд.

Леди Морвен не вздрогнула. Не ахнула. Не побледнела — бледнеть было некуда.

Только закрыла глаза.

— Я знала, — сказала она. Шёпотом. — Я, кажется, знала. Давно. — Пауза. — Не хотела знать.

Алиса села рядом. На край кровати под бледно-голубым балдахином. Близко.

И рассказала.

Не всё — не про Тверь, не про учебник истории косметики, не про королеву Елизавету. Это было нельзя. Но — то, что можно.

Что в белилах — свинец. Тяжёлый металл, мелко растёртый. Что в румянах — киноварь, ртуть с серой. Что в новых «очищающих» белилах — ещё и ртуть, живая, в мази. Что свинец и ртуть проходят сквозь кожу. Медленно. Годами. В кровь. И остаются там. Копятся. В костях, в зубах, в волосах, в голове.

Что от свинца — болит голова. Тупо. Каждое утро. Как обруч. Что от него — выпадают волосы. Гниют зубы. Портится кожа — сохнет, сереет, шелушится. Что от него — тянет в животе, бывает запор, бывает колика. Что от него — дрожат руки. Мелко. Непрерывно. А потом — хуже.

Что от ртути — то же. Только быстрее. И ещё — слабеет память. Путаются мысли. Становишься раздражительной, плаксивой, пугливой. Меланхолия.

«Последние пять лет — не узнавала меня по утрам».

Леди Морвен слушала. Молча. С закрытыми глазами. Сжав дрожащие руки на коленях.

— Можно ли... — спросила она наконец. Не открывая глаз. — Можно ли — вылечить?

Алиса помолчала.

Она не хотела врать. Даже здесь. Даже сейчас. Даже этой женщине с серым лицом и дрожащими руками.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Что ушло в кости — то ушло. Это — не вытащишь. — Пауза. — Но если перестать — сегодня, сейчас, — новое перестанет приходить. А то, что в крови, — понемногу уйдёт. Само. Через месяцы. Через год. — Ещё пауза. — Голова — станет легче. Руки — может быть, перестанут дрожать. Не сразу. Не совсем. Но — легче. Волосы — может быть, отрастут.

— А лицо?

Алиса посмотрела на её лицо. На красные мокнущие пятна.

— Лицо, — сказала она, — заживёт. Если перестать. Если не мазать больше ничего — кроме того, что лечит. Кожа — живая. Она умеет заживать. Ей только нужно не мешать. — Пауза. — Через неделю — увидите. Через месяц — не узнаете.

Леди Морвен открыла глаза.

— Перестать, — сказала она. — Совсем.

— Совсем.

— Выйти в свет — без белил. — Пауза. — С этим. — Она коснулась щеки. — С пятнами. С серой кожей. С редкими волосами. — Ещё пауза. — Первая хозяйка Солмара.

Алиса молчала.

Она понимала. Понимала лучше, чем леди Морвен думала. Двенадцать лет — маска. Двенадцать лет — «самая белая, самая безупречная, самая неживая». Двенадцать лет — каждый вечер триста белых лиц в зале, и все смотрят на неё. И завтра — выйти к ним. Без маски. С этим.

Это было — как Клому выйти из сундука на пустой площади без дома. Как Валериану открыть окна в восточном крыле.

— Не сразу, — сказала Алиса. — Не завтра. — Пауза. — Сначала — неделю дома. Без приёмов. Скажите — простуда. Мигрень. Вдовья меланхолия. — Ещё пауза. — Неделю — только то, что я принесла. И вода. Чистая. Кипячёная. Много. И молоко. И никакой маковой настойки.

Она поставила на столик корзинку. Открыла. Достала баночки. Шесть. Глиняные, простые, с деревянными крышками, залитыми воском.

— Это — для умывания, — сказала она, ставя первую. — Мягкое мыло. Без щёлочи — почти. На овсяном отваре, с ромашкой. Утром и вечером. Тёплой водой. Не тереть — только смывать. Пальцами.

Вторую.

— Это — на пятна. Мазь. Пчелиный воск, миндальное масло, мёд, календула. Тонким слоем. Три раза в день. Она — не скрывает. Она — лечит. — Пауза. — Под ней будет видно. Пусть.

Третью.

— Это — для кожи вокруг. Крем. Лёгкий. На розовой воде, с маслом ши... — Она осеклась. Масла ши здесь не было. Она использовала масло из косточек абрикоса, которое нашла на южном рынке у Речных ворот. — С абрикосовым маслом. Чтобы не сохла. Утром.

Четвёртую. Пятую. Шестую.

— Это — запас. На неделю. Потом — приготовлю ещё.

Леди Морвен смотрела на шесть глиняных баночек на своём столике. Рядом с фарфоровыми, расписанными лилиями и золотом.

Простые. Некрасивые. Глиняные. С деревянными крышками.

— Они такие... — сказала она.

— Простые, — сказала Алиса. — Да. — Пауза. — Глина — дешёвая. Её не нужно расписывать. Внутри — главное.

Леди Морвен протянула руку. Дрожащую. Взяла первую баночку. Ту, что для умывания. Повертела.

— А эти? — спросила она. Кивнула на фарфоровые. С лилиями.

Алиса посмотрела на них.

— Выбросьте, — сказала она.

Леди Морвен смотрела на фарфоровые баночки. Долго. На лилии. На золото. На печать гильдии аптекарей на донышке. На «мастер К. Винклер».

Двенадцать лет.

Потом — встала. С пуфа. Медленно. В белом утреннем платье. С распущенными волосами. С серым изъеденным лицом.

Подошла к окну. Открыла его. Настежь. Холодный утренний воздух с канала ворвался в спальню. Лебеди на воде — подняли головы.

Вернулась к столику. Взяла фарфоровые баночки. Все. Пять. Шесть. Семь. Дрожащими руками. Прижала к груди.

Подошла к окну.

И бросила. Одну за другой. В канал.

Фарфор ударился о воду с тихим всплеском. Баночки поплыли — некоторые. Потом — утонули. Лебеди — зашипели. Поплыли проверять.

Леди Морвен стояла у открытого окна. В белом платье. С распущенными волосами. Спиной к Алисе.

Плечи — дрожали.

Алиса не подошла. Не стала утешать. Просто сидела на краю кровати и ждала.

Леди Морвен плакала. Тихо. У окна. Глядя на канал, на лебедей, на то место, где утонули баночки.

Потом — перестала.

Обернулась.

— Неделя, — сказала она. Голос — хриплый. — Неделя — простуда. Мигрень. Меланхолия. — Пауза. — Я никого не приму.

— Хорошо, — сказала Алиса.

— А вы, — сказала леди Морвен, — будете приходить. Каждый день. Утром. Смотреть.

— Буду.

— Одна.

— С Гуннаром, — сказала Алиса. — Он у кареты подождёт. Он — однорукий. Он — ветеран. Он не болтает.

Леди Морвен посмотрела на неё.

— Однорукий ветеран, — повторила она. — Который не болтает. — Пауза. — Кристоф бы его взял в адъютанты.

Она подошла к столику. Села на пуф. Перед зеркалом. Посмотрела на себя. Серое лицо. Красные пятна.

Взяла первую глиняную баночку. Открыла. Дрожащими пальцами.

— Покажите, — сказала она. — Как.

* * *

Неделя тянулась медленно.

Алиса приезжала каждое утро. Бартоломеус довозил её до Лебяжьего канала — не через Рыбный рынок, а через Соборную площадь, «как благородная», но теперь уже без всякого снисхождения, а с важностью человека, который везёт важную персону по важному делу. Гуннар оставался у кареты. Стоял, прислонившись к фонарному столбу, с Бертиной поварёшкой за поясом, — и лебеди, как ни странно, на него не шипели. Один даже подплыл к ступенькам и посмотрел. Гуннар посмотрел на лебедя. Лебедь — на Гуннара. Потом — отплыл. Как Генерал. С достоинством.

Седая горничная с заплаканными глазами — её звали Хильдегард, и она служила леди Морвен с её шестнадцати лет — открывала дверь и молча вела Алису наверх. В спальню.

Первые три дня — было хуже.

Алиса знала, что так будет. Предупредила. Кожа, двенадцать лет прятавшаяся под свинцом, — без него вдруг оказалась голой. Беззащитной. Она краснела. Шелушилась ещё сильнее. Пятна — мокли. На второй день у леди Морвен поднялся жар — небольшой, но жар. На третий — она плакала всё утро и сказала, что больше не может, что это пытка, что лучше бы она умерла под белилами, чем вот так.

Алиса сидела рядом. Держала её дрожащую руку. Ничего не говорила. Просто держала.

И — тепло. Немного. Не много — ровно столько, сколько нужно. Как держала над больными детьми в Ворне. Не лечить — поддерживать. Чтобы тело само.

На четвёртый день — жар спал.

На пятый — пятна перестали мокнуть. Подсохли. Покрылись тонкими корочками.

На шестой — Хильдегард, открывая дверь, улыбнулась. Впервые за неделю. И сказала тихо: «Госпожа сегодня спала. Всю ночь. Без настойки».

На седьмой день Алиса вошла в спальню — и остановилась на пороге.

Леди Морвен стояла у окна. Открытого. В утреннем свете. В белом платье. С волосами — тёмными, с проседью, — заплетёнными в простую косу.

Она обернулась.

Лицо было — другим.

Не вылеченным. Нет. До этого было далеко. Месяцы. Может быть, год. Пятна — ещё были. Но — бледнее. Не красные — розовые. Не мокнущие — сухие, гладкие, затягивающиеся молодой тонкой кожей. Серость — ушла. Почти. Кожа была ещё бледной, усталой, — но не

пергаментной. Живой. С порами — чистыми. С едва заметным румянцем на скулах. Своим. Не нарисованным.

И морщинки. У глаз. У губ. Сорок два года — сорок два года. Своих.

Леди Аделина Морвен смотрела на Алису. Тёмными живыми глазами. На живом лице.

— Голова, — сказала она. Тихо. — Не болит. Третий день.

Алиса молчала.

— Руки, — сказала леди Морвен. И протянула руку. Ладонью вниз. Над подоконником.

Рука дрожала. Всё ещё. Но — меньше. Гораздо меньше. Не мелко и непрерывно — а едва заметно, время от времени. Как у человека, который просто волнуется.

— Я вчера вдела нитку, — сказала леди Морвен. — В иголку. — Пауза. — С третьего раза. — Ещё пауза. — В первый раз за год.

Она смотрела на Алису. И глаза у неё были мокрые.

— Посмотрите, — сказала она. И кивнула на зеркало.

Алиса подошла к столику. Посмотрела в зеркало — и увидела рядом со своим отражением её отражение. Рядом. Рыжая, с веснушками. И тёмная, с проседью, с розовыми пятнами на щеках.

Две живые женщины. В одном зеркале.

— Я двенадцать лет не видела своего лица, — сказала леди Морвен. — Утром — сразу белила. Вечером — смывала в темноте. Чтобы не смотреть. — Пауза. — А теперь — смотрю. Каждое утро. — Ещё пауза. — Я стала старше. Я вижу морщины. Я вижу пятна. Я вижу, что мне — сорок два.

Она помолчала.

— И я вижу себя, — сказала она. — Аделину. Ту, которую Кристоф звал «привидением» и просил стереть. — Голос дрогнул. — Я по ней скучала, леди Лейн. Двенадцать лет. Я не знала, что скучаю.

Алиса не знала, что сказать.

Леди Морвен отошла от окна. Подошла к ней. Остановилась. Близко. Взяла её руки. В свои. Дрожащие — чуть-чуть.

— Алиса, — сказала она. Не «леди Лейн». Алиса. — Можно?

— Можно, — сказала Алиса. — Аделина.

Леди Морвен улыбнулась. Живыми губами. Не красными — розовыми. Своими.

— Я больше не надену белила, — сказала она. — Никогда. — Пауза. — Через неделю у меня приём. Первый после «простуды». Двести гостей. Весь Солмар. — Ещё пауза. — Я выйду к ним — так. С этим лицом. С пятнами. С морщинами. — Она сжала руки Алисы. — И пусть смотрят.

— Они будут шептаться, — сказала Алиса.

— Пусть, — сказала Аделина Морвен. — Пусть шепчутся. — Пауза. — Вы мне это сами сказали. На моём приёме. У дверей. Когда шёпот «пустышка» шёл по залу. Я слышала.

Алиса моргнула.

— «Пусть говорят», — сказала Аделина. — Я подумала тогда — какая глупая девочка. Её съедят. — Пауза. — А вы — не дали себя съесть. — Ещё пауза. — Теперь — моя очередь.

Она отпустила руки Алисы. Отошла к столику. Взяла одну из глиняных баночек — пустую уже, вторую за неделю. Повертела в пальцах.

— Алиса, — сказала она. — Сколько дам в Солмаре мажутся белилами Винклера?

Алиса подумала.

— Все, — сказала она.

— Все, — согласилась Аделина. — Две тысячи. Может, три. — Пауза. — И у всех — болит голова. И дрожат руки. И пятна под белилами. И привкус во рту. — Ещё пауза. — И все думают — мигрень. Нервы. Меланхолия. Воля Пламени.

Она поставила баночку.

— Я хочу, чтобы они знали, — сказала она. — Не в лоб. Не «ваши белила — яд». Они не поверят. Они побегут к Винклеру. — Пауза. — Сбоку. Через меня. — Ещё пауза. — Через ту, которая уже боится — не белил. Того, что под ними.

Алиса смотрела на неё.

— Это сказал барон Креммер, — сказала она медленно. — В коридоре. Во дворце. Слово в слово.

Аделина подняла бровь. Свою. Тёмную. Не нарисованную.

— Креммер? — переспросила она. — Готфрид Креммер? С подагрой?

— С подагрой.

Аделина помолчала. Странно помолчала. Как будто что-то вспоминала. Или — сопоставляла.

— Интересно, — сказала она. Только это.

И больше ничего не сказала. Про Креммера.

Вечером того же дня в «Ледник» пришло письмо.

Не от Клома — от Аделины. Плотная кремовая бумага с золотым обрезом. Печать — серебряный лебедь.

Короткое. Три строчки. Ровным, красивым, крупным почерком — чуть неуверенным, как будто рука ещё не совсем слушалась.

«Алиса.

Я вдѣла сегодня вторую нитку. Съ перваго раза.

Аделина.

P.S. Приёмъ — въ слѣдующую пятницу. Вы — первая въ спискѣ гостей. Не "подопечная". Алиса Лейнъ».

Алиса читала письмо у камина в своей гостиной с южным окном.

Потом — услышала шаги. За дверью. Бесшумные — почти.

Он остановился у двери. Не постучал. Постоял.

— Войдите, — сказала Алиса.

Он вошёл. В чёрном. С Ветиным шарфом. С листом бумаги в руке.

Остановился у камина. Посмотрел на письмо у неё на коленях. На серебряного лебедя на печати.

— Леди Морвен, — сказал он.

— Аделина, — сказала Алиса. — Она — сняла белила. Неделю назад. — Пауза. — Вдела сегодня вторую нитку. С первого раза.

Валериан смотрел на неё.

— Я знаю, — сказал он.

— Откуда?

— Гуннар, — сказал Валериан. — Каждый вечер. Докладывает. — Пауза. — Подробно. — Ещё пауза. — Лучше Лорна.

Алиса почти улыбнулась.

Он стоял у камина. Держал лист бумаги. Смотрел на огонь.

— Что это? — спросила Алиса. Кивнув на лист.

Валериан помолчал. Потом — протянул ей.

Она взяла.

Лист был почти чистым. Почти. Наверху — одна строчка. Его почерком. Резким, острым, с наклоном вправо.

«Списокъ жениховъ для леди Алисы Лейнъ. Представить канцлеру къ 15 ноября».

И ниже — пусто.

Сегодня было — девятое.

Алиса смотрела на лист. Долго.

— Шесть дней, — сказала она.

— Шесть дней, — согласился Валериан.

— Вы ещё не начали.

— Не начал.

— Почему?

Он смотрел на огонь. Не отвечал.

Алиса держала лист. Пустой. С одной строчкой наверху.

Потом — протянула обратно.

— Начните, — сказала она. Ровно. — Король велел. — Пауза. — «Ответственность — на опекуне».

Он взял лист. Посмотрел на неё. Долго. Серыми глазами — в которых что-то было. Она не могла понять что.

— Начну, — сказал он.

И ушёл.

Алиса сидела у камина.

Смотрела на дверь, за которой он скрылся.

Потом — на письмо Аделины. «Я вдела сегодня вторую нитку».

Потом — снова на дверь.

И поняла, что ей совсем не хочется, чтобы он начинал.

Совсем.

Она закрыла глаза.

— Пламя, — сказала она. Вслух. Тихо. Одна. — Тильда права. Северные олени.

Глава 4. «Правило четвёртое: жениха выбирает опекун»

«Наставления благородной девице», правило четвёртое: «Жениха благородной девице выбирает отец, а за неимением отца — опекун. Девица же не выбирает, не спорит, не выказывает предпочтений и не задаёт вопросов, ибо её сердце — дело её родни, а её дело — послушание».

Приём у леди Морвен в пятницу начался, как всегда, — с карет.

Сто двадцать карет на набережной Лебяжьего канала. Шестьдесят гондол на воде. Огненная аллея факелов от причала до дверей. Лебеди, шипящие на всех без разбору. Мажордом в голубой ливрее с жезлом. Тысяча свечей. Зеркала. Паркет из десяти пород дерева.

Всё — как всегда.

Кроме одного.

Мажордом стукнул жезлом об пол. Трижды. И провозгласил — голосом, которым можно было бы командовать полком:

— Его светлость герцог Валериан фон Грант, герцог Северной марки, генерал-командующий Северной армией! — Пауза. — И леди Алиса Лейн!

По имени.

Алиса почувствовала, как вздрогнул зал. Едва заметно. Как поверхность пруда, по которой пробежал ветер.

Двести белых лиц повернулись к дверям.

По имени. Подопечную. Незамужнюю. В доме первой хозяйки Солмара. Правило девятнадцатое — нарушено. Мажордомом леди Морвен. По её приказу.

Шёпот пошёл по залу. Но — другой. Не «пустышка». Не «мыльница».

«По имени...»

«Леди Морвен велела...»

«Слышали — подол?..»

«Ладонью. Говорят, ладонью...»

«А где сама леди Морвен?»

«Говорят — простуда. Неделю никого не принимала».

«Говорят — меланхолия...»

«Где же она?»

Алиса стояла у дверей. В голубом платье Розальды. С синим шарфом. С рыжими прядями у висков.

Рядом — Валериан. В чёрном. Её рука — на его руке.

Холодная. Не очень.

С того вечера, когда он показал ей пустой лист, они разговаривали. Немного. Утром — «доброе утро». Вечером — «добрый вечер». Между — о делах. О письме Клома. О ценах на дрова. О том, что Йенс Кольбах подрался с конюхом соседнего особняка, который назвал нашивку-домик «бабьей тряпкой». О том, что Йенс конюха — победил.

О списке — ни слова.

Она не спрашивала. Он не говорил.

Но лист — Матильда докладывала — так и лежал на столе в кабинете. С одной строчкой наверху. «Список женихов для леди Алисы Лейн». И — пусто.

До пятнадцатого ноября оставалось три дня.

Леди Морвен появилась в половине десятого.

Алиса не видела, откуда. Просто — музыка в углу зала, за колоннами, вдруг смолкла. Скрипки, виолы, клавесин — все разом, на середине такта. Как будто музыкантам кто-то подал знак.

И в тишине — по главной лестнице, той, что вела со второго этажа в зал, широкой, мраморной, с золочёными перилами, — спускалась она.

Медленно. Величественно. Как всегда.

В платье — тёмно-синем. Бархатном. Простом. Без кринолина, без шлейфа, без кружев. С длинными рукавами, с высоким воротом. С одной-единственной брошью у горла — серебряной, в виде лебедя.

Без бриллиантов. Без колье. Без диадемы.

С волосами — тёмными, с проседью у висков, — уложенными просто, низким узлом на затылке. Без шиньонов. Без башни.

И с лицом.

Своим.

Без белил. Без румян. Без нарисованных бровей. Без мушек. Без красной помады.

С розоватыми пятнами на щеках — затянувшимися, бледными, но видными. С морщинками у глаз и у губ. С бледной, чуть усталой, живой кожей. С живым — своим — румянцем на скулах. С тёмными глазами.

Сорок два года. Свои.

Зал перестал дышать.

Двести белых лиц смотрели на лестницу. На первую хозяйку Солмара, которая двенадцать лет была самой белой, самой безупречной, самой неживой из всех. Которая спускалась к ним сейчас — живой.

С пятнами. С морщинами. С сединой.

Леди Морвен спустилась. Остановилась у подножия лестницы. Посмотрела на зал. Тёмными глазами. Спокойно.

— Добрый вечер, — сказала она. Голос — низкий, бархатный. Уверенный. — Простите, что задержалась. Я неделю болела. — Пауза. — Теперь — выздоравливаю.

Тишина.

Никто не ответил.

Никто не зашептался.

Никто не засмеялся за веером.

Двести белых лиц смотрели на неё — и не знали, что делать. Как неделю назад не знали, что делать с подпалиной, которая исчезла под ладонью.

Леди Морвен оглядела зал. Медленно. Как полководец — поле перед боем.

Нашла глазами Алису. У дверей. Рядом с Валерианом.

И улыбнулась ей. Живыми губами. Розовыми. Своими.

Потом повернулась к музыкантам.

— Играйте, — сказала она.

И музыка — заиграла.

* * *

Это была не лавина. Не буря. Не переворот.

Это было — как весной в Ворне, когда сходит снег. Не сразу — по капле. Сначала ничего не меняется. Потом — где-то с крыши падает капля. Потом — вторая. Потом — течёт ручеёк. А потом — ты оглядываешься, и вокруг всё мокрое, всё течёт, всё журчит, и ты не помнишь, когда это началось.

Сначала к леди Морвен никто не подходил.

Час. Она стояла у камина, в тёмно-синем бархате, со своим лицом, — и гости обходили её. Не грубо. Вежливо. Издалека раскланивались. Улыбались. Проходили мимо. Как обходят больного. Как обходят покойника.

Шёпот — был. Но тихий. Испуганный.

«Что с ней?»

«Пятна... Видели — пятна?»

«Это — от болезни?»

«Говорят — от меланхолии...»

«Какая меланхолия даёт пятна?»

«Седина! У неё — седина!»

«Она же всегда...»

«Без белил! В свет! Первая хозяйка!»

«Это — конец. Она — кончилась».

«Тише!»

Алиса стояла у колонны. С бокалом. Смотрела.

Валериан рядом — не ушёл. Офицеры, генералы — звали, — он не пошёл. Стоял рядом с ней. Молча. И смотрел — тоже.

— Её никто не подходит, — сказала Алиса. Тихо.

— Подойдут, — сказал Валериан.

— Откуда вы знаете?

— Это — осада, — сказал Валериан. — Первый день — все сидят за стенами. Боятся. — Пауза. — Потом кто-нибудь выходит. Посмотреть. Один. — Ещё пауза. — Потом — остальные.

Алиса посмотрела на него.

— Вы всё про войну.

— Я всё про людей, — сказал Валериан. — Просто на войне — видно лучше.

И он оказался прав.

В половине одиннадцатого к леди Морвен подошла — графиня Ульрика фон Бек.

Та самая. Полная, с тремя подбородками под белилами и бриллиантами величиной с горошину. Главный ловчий. Двадцать пять лет белил «как молитвой». Та, у которой двадцать лет болела голова. «Мигрень. Нервы. У всех знатных дам».

Она подошла медленно. Неуверенно. Как будто шла по тонкому льду. Остановилась перед леди Морвен. Посмотрела на её лицо. Долго. На пятна. На морщины. На седину.

— Аделина, — сказала графиня. Тихо. — Что... что с вами?

Леди Морвен посмотрела на неё. Спокойно.

— Ульрика, — сказала она. — У вас болит голова?

Графиня моргнула.

— Что?

— Голова, — повторила леди Морвен. — По утрам. Над бровями. Как обруч. — Пауза. — Двадцать лет.

Графиня фон Бек побледнела. Под белилами — этого не было видно, но Алиса увидела по глазам.

— Откуда вы...

— Моя болела двенадцать, — сказала леди Морвен. — Теперь — не болит. Третью неделю. — Пауза. — С тех пор как я перестала мазаться.

Тишина.

Вокруг — человек десять, которые стояли неподалёку и делали вид, что не слушают, — перестали делать вид.

— Перестали, — повторила графиня фон Бек.

— Перестала, — сказала леди Морвен. — Совсем. — Она коснулась щеки. Розового пятна. — Это — то, что было под белилами, Ульрика. Двенадцать лет. — Пауза. — Неделю назад — было хуже. Гораздо. Красное. Мокрое. — Ещё пауза. — Сейчас — заживает.

Графиня смотрела на её щёку.

Потом — медленно — подняла руку. Свою. Пухлую, в перстнях. И коснулась своей щеки. Под белилами. Там, где — Алиса была уверена — было то же самое.

— А руки? — спросила графиня. Шёпотом. — Аделина. Руки у вас — дрожали. Я видела. Весной. На приёме у королевы-матери. Вы чашку уронили.

Леди Морвен протянула руку. Ладонью вниз. Над каминной полкой.

Рука — не дрожала. Почти. Едва заметно — время от времени. Как у человека, который волнуется.

— Я вчера вышила платок, — сказала леди Морвен. — Весь. Первый за год.

Графиня фон Бек смотрела на её руку.

Потом — на свою. Пухлую. В перстнях.

Дрожащую. Мелко. Непрерывно.

— Как? — спросила графиня. Почти беззвучно. — Аделина. Как?

Леди Морвен посмотрела через её плечо. Через зал. На колонну у дверей.

На Алису.

— Спросите у неё, — сказала она.

К полуночи вокруг Алисы стояло человек тридцать.

Дамы. Белые лица. Красные губы. Бриллианты. Перья.

Не все — сразу. По одной. Сначала — графиня фон Бек. Потом — молодая с испуганными глазами из Лилейной комнаты, которую звали, как выяснилось, Клотильда фон Арним — племянница того самого фогта из Вейльбурга, который любил порядок. Потом — та, с тёмными локонами и дрожащими руками. Потом — та, что тёрла красную кожу платком. Потом — ещё. И ещё.

Они подходили. Неуверенно. Боязливо. Оглядываясь — не смотрит ли кто. Задавали вопросы — тихо, шёпотом, за веерами.

«Это правда — голова перестанет?»

«А пятна — сойдут?»

«А если я перестану — что я надену? Как я выйду?»

«А муж? Что скажет муж?»

«А что скажет Винклер?»

«Я не могу без белил. Я с пятнадцати. Я не знаю, какое у меня лицо».

Алиса отвечала. Тихо. Спокойно. Без «яд». Без «вы убиваете себя». Барон Креммер был прав — в Солмаре правду в лоб не слышат.

«Голова — станет легче. Не сразу. Через неделю. Две».

«Пятна — заживут. Если не мазать сверху».

«Первую неделю — дома. Скажите — простуда».

«Мыло — мягкое. Мазь — на пятна. Крем — от сухости. Простые. Глиняные баночки».

«Муж — скажет, что вы помолодели. Через месяц».

Валериан стоял у неё за спиной. У колонны. Молча.

Дамы — косились на него. Испуганно. Тёмный герцог. Генерал-командующий. Холодный маг. Который неделю назад сбил с ног командующего Южной армией в пирожные с заварным кремом.

Он не уходил.

В какой-то момент — Алиса не заметила когда — графиня фон Бек, которая стояла ближе всех, повернулась к нему. И сказала. С отчаянной смелостью человека, который только что узнал, что двадцать лет травил себя, и которому теперь всё равно.

— Ваша светлость, — сказала графиня. — А вы — что думаете? О белилах?

Тридцать белых лиц повернулись к нему.

Валериан посмотрел на графиню. Сверху вниз. Серыми глазами.

— Моя мать, — сказал он, — никогда не носила белил.

Тишина.

— Она говорила, — сказал Валериан, — что лицо — как окно. Если его замазать — в доме темно. — Пауза. — Отец с ней соглашался.

Он помолчал.

— Мой отец, — сказал он, — был самым умным человеком, которого я знал.

Графиня фон Бек смотрела на него. Долго.

Потом — повернулась к Алисе.

— Глиняные баночки, — сказала она. — Где их взять?

Алиса открыла рот.

— У меня, — сказала леди Морвен.

Все обернулись.

Она стояла в двух шагах. В тёмно-синем бархате. С живым лицом. Подошла — никто не заметил когда.

— У меня, — повторила леди Морвен. — В моём доме. С понедельника. — Пауза. — Каждое утро. — Она посмотрела на Алису. — Если леди Лейн согласится.

Алиса смотрела на неё.

— На что?

Леди Морвен улыбнулась.

— Я думаю, Алиса, — сказала она, — нам нужно поговорить. Наедине. О глиняных баночках. — Пауза. — И о том, что у меня в доме — пустует целое крыло. С купальней, которую Кристоф построил по образцу каррадских бань. — Ещё пауза. — Двенадцать лет никто ею не пользовался.

Купальня.

Алиса смотрела на неё. Медленно. Как Тим смотрел на Боцмана, когда понимал, что тот задумал.

— Купальня, — сказала она.

— Купальня, — сказала леди Морвен. — С печью. С котлами. С мраморными ваннами. — Пауза. — На двадцать человек.

Тишина.

Тридцать дам стояли вокруг. Слушали. Не понимали.

Валериан у колонны — понял. Алиса видела — по тому, как дрогнул левый угол его рта.

— Мы поговорим, — сказала Алиса.

— В понедельник, — сказала леди Морвен.

— В понедельник.

Они уехали в два часа ночи.

В карете Алиса молчала. Матильда — тоже. Матильда весь вечер стояла рядом — не в трёх шагах, а рядом, как обещала, — и слушала. И теперь сидела напротив, с горящими глазами, и молчала так громко, что было слышно.

У ворот «Ледника» — когда Бартоломеус остановил лошадей, и Валериан спешился, чтобы подать руку, — Алиса не сразу вышла.

Посидела. В темноте кареты.

Потом — вышла. Вложила руку в его.

И не отпустила, когда ступила на мостовую.

Он посмотрел на неё. Вопросительно.

— Ваша мать, — сказала Алиса. Тихо. — Правда говорила? Про окно?

Валериан помолчал.

— Правда, — сказал он.

— Вы никогда не рассказывали.

— Вы никогда не спрашивали, — сказал он. — Про белила.

Алиса смотрела на него. В темноте двора. При свете одного фонаря у ворот.

— А что она ещё говорила? — спросила Алиса. — Ваша мать?

Валериан смотрел на неё долго.

— Много чего, — сказал он. — Она — говорила за двоих. Отец молчал. — Пауза. — Я вам расскажу. — Ещё пауза. — Когда-нибудь.

— Когда?

Пауза.

— После, — сказал он.

Алиса отпустила его руку.

— После, — повторила она. — Конечно.

И пошла в дом.

Он остался во дворе. Один. При свете фонаря.

Иней — Гуннар видел из конюшни — на этот раз не пополз. Ни по плитам, ни по воротам.

Просто он долго стоял. Не двигаясь. Глядя на дверь.

Потом — пошёл в кабинет.

Где на столе лежал лист бумаги. С одной строчкой наверху.

* * *

Список он начал в ту же ночь.

Этого Алиса не видела. Этого никто не видел, кроме, может быть, Матильды, которая в три часа ночи спустилась на кухню за водой и увидела полоску света под дверью кабинета. И услышала — скрип пера. Долгий. С перерывами. С тишиной. С тяжёлым вздохом. Со скрипом снова.

Матильда постояла у двери. Послушала.

Потом — поднялась наверх. Тихо. Не стала будить хозяйку.

Но утром, за завтраком, когда Алиса вошла в столовую, Матильда, наливая ей отвар из шиповника, шепнула — не глядя, в чашку:

— Пишет. Всю ночь писал.

Алиса не ответила.

Валериана за завтраком не было.

Он писал вот как.

Канцелярия прислала ему ещё в октябре, вместе с «Наставлениями благородной девице», ещё один документ. Толстую тетрадь в сафьяновом переплёте с золотым тиснением. «Реестръ благородныхъ жениховъ Солмарскаго сезона 1248 года. Составленъ при Канцеляріи Его Величества для удобства опекуновъ и родителей».

Сорок два имени.

Как правил в «Наставлениях». Видимо, в канцелярии любили это число.

Возле каждого имени — сведения. Титул. Возраст. Состояние. Земли. Родство. Дар — «огненный, сильный», «воздушный, средний», «силовой, слабый». Склонности — «к охоте», «к картам», «к лошадям», «к поэзии». Пороки — деликатно, одним словом — «вспыльчив», «расточителен», «склонен к вину».

Валериан открыл реестр в три часа ночи. Положил рядом пустой лист. Обмакнул перо.

И начал читать.

Граф Эберхард фон Линдау. Двадцать восемь лет. Огненный дар, средний. Земли — восемь деревень на Лиаре. Склонности — к охоте.

Валериан смотрел на имя долго.

Он знал Эберхарда фон Линдау. Тот служил у него на перевале — два года, корнетом, двенадцать лет назад. Застрелил на охоте — случайно — собственную гончую. Потом — случайно — денщика. Не насмерть. Но денщик остался без глаза.

Он написал на полях реестра: «Охота». И подчеркнул.

Следующий.

Виконт Отто фон Рамм. Тридцать два года. Воздушный дар, сильный. Земли — в Карадском пограничье. Склонности — к картам.

Валериан знал Отто фон Рамма тоже. По рассказам Лорна. Отто проиграл в карты поместье, жену и собаку. Поместье и собаку — отыграл.

«Карты».

Следующий.

Барон Кристоф Шварц. Двадцать пять. Силовой, слабый. Земли — небольшие. Склонности — к лошадям.

Неплохо. Валериан задержался на имени. Лошади — Алиса любит лошадей. Тим научил её править. Боцман. Заря.

Он перевернул страницу. Посмотрел приложение — «сведения о родне». Барон Шварц — единственный сын. Мать — вдова. «Властная», — было написано деликатно, одним словом. Валериан помнил вдову Шварц. Видел её при дворе. Она сжигала служанок взглядом. Без всякого дара.

Алиса — и вдова Шварц. В одном доме.

«Мать».

Следующий.

Следующий.

Следующий.

К пяти утра на полях реестра у каждого из сорока двух имён стояло одно слово. Подчёркнутое. «Охота». «Карты». «Мать». «Вино». «Глуп». «Жесток». «Стар». «Молод». «Трус». «Долги». «Любовница». «Две любовницы». «Брат — в Палате». «Отец — у Сарна». «Не умеет читать». «Умеет читать, но не читает». «Боится лошадей». «Бьёт лошадей». «Бьёт слуг».

«Не любит мыло» — это было у графа фон Хессе, который, по слухам, мылся раз в год, на Весенний Огонь, «потому что так велит Пламя».

Пустой лист рядом с реестром оставался пустым.

Кроме одной строчки наверху.

Валериан сидел за столом в кабинете «Ледника». Смотрел на реестр. На сорок два подчёркнутых слова. На пустой лист.

Свеча догорала.

Он понимал, что делает.

Он не был дураком. Он двадцать лет был генерал-командующим. Он умел видеть, когда противник отступает под предлогом. Когда союзник торгуется, делая вид, что принципиален. Когда солдат бежит, крича, что идёт в атаку с другой стороны.

Он видел — сам себя.

Сорок два имени. Сорок два «нет».

Не потому, что все сорок два были плохи. Некоторые — нормальные. Обычные. Граф фон Альтенберг, например. Тридцать лет, огненный дар, умеренный, земли в Хаммертале, склонности — «к наукам». Читает книги. Покровительствует часовне. Не охотится, не пьёт,

не играет. Мать — умерла. Братья — в армии. Он был — нормальный. Хороший даже. Может быть.

На полях у фон Альтенберга стояло: «Скучен».

Валериан смотрел на это слово. Долго.

Скучен.

Это — не порок. Это — не причина. Это — повод.

Он знал. Он не был дураком.

Свеча погасла.

Он сидел в темноте.

Утром, в девять часов, в «Ледник» приехал гонец из канцелярии.

Молодой, вежливый, в чёрном камзоле с золотой цепочкой. С кожаной папкой.

— Его светлости, — сказал он Гуннару у ворот. — От канцлера. Лично в руки.

Гуннар отнёс в кабинет.

Валериан открыл папку.

Внутри — лист. Плотный, кремовый, с печатью канцлера — граф Бертрам фон Хейде, ворон на ключе.

«Ваша свѣтлость.

Его Величество, памятуя о Вашей занятости дѣлами Сѣверной арміи и желая облегчить Вамъ бремя опекунства, соблаговолилъ самъ указать кандидатовъ, коимъ Его Величество отдаётъ предпочтеніе. Прошу включить ихъ въ Вашъ списокъ. Прочіе — на Ваше усмотрѣніе.

1. Баронъ Готфридъ Креммеръ. Членъ Королевскаго совѣта по торговлѣ. Вдовецъ. Состояніе — значительное. Благонадёженъ.

2. Виконтъ Фабіанъ фонъ Лиль. Сынъ покойнаго маркиза фонъ Лиль. Поэтъ. Состояніе — умѣренное. Молодъ, но изъ хорошаго рода.

3. Его свѣтлость герцогъ Людвигъ Эстернъ. Племянникъ Его Величества.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Бертрамъ фонъ Хейде, канцлеръ».

Валериан прочитал.

Перечитал.

Третий пункт — трижды.

«Его светлость герцог Людвиг Эстерн. Племянник Его Величества».

Без описания. Без «состояние». Без «благонадёжен». Просто — имя. И родство.

Этого было достаточно.

Людвиг Эстерн. Двадцать девять лет. Сильный огненный дар — один из сильнейших в Асдерии после самого Сарна. Красавец. Остроумец. Душа любого бала. Друг каждого и ничей. Промотал за десять лет два поместья, наследство матери, приданое сестры и, по слухам Лорна, — сорок тысяч крон долга банкирскому дому «Гольдбах и Фирн».

«Гольдбах и Фирн».

Вельт. Сарн.

Сорок тысяч крон.

Король хотел закрыть долги своего племянника. Деньгами пустышки с мылом. С сукном. С восьмью тысячами крон в год с одного только ворнского сукна. И — ещё и — получить её дело в «надёжные мужские руки, знатные, близкие к трону».

Валериан смотрел на лист.

Иней — пополз по краю стола. От его ладони. Тонкий, белый.

Он убрал ладонь.

Взял перо. Обмакнул.

И на пустом листе — под строчкой «Список женихов для леди Алисы Лейн» — написал. Тремя строчками. Резким, острым почерком. С таким нажимом, что перо прорвало бумагу на последней букве.

«1. Баронъ Креммеръ.

2. Виконтъ фонъ Лиль.

3. Герцогъ Эстернъ».

Посмотрел на три строчки.

Потом — рядом с каждой, на полях — тем же пером, тем же нажимом — написал ещё по одному слову.

И подчеркнул.

* * *

Алиса нашла список в одиннадцать.

Не случайно. Она пошла в кабинет сама. Потому что Матильда сказала — «гонец от канцлера, лично в руки, его светлость с тех пор не выходил». Потому что Гуннар сказал — «хозяйка, там иней на двери. Изнутри. Я видел — в щёлку». Потому что до пятнадцатого оставалось два дня.

Она постучала. Три раза. Как Марика.

Тишина.

Она открыла дверь.

Кабинет был — холодным. Не так, как весь «Ледник» до того, как Матильда растопила камины. По-другому. Холод стоял в воздухе — звенящий, колючий. На оконном стекле — изнутри — морозные узоры. На каминной решётке — иней. В камине — огонь, но маленький, низкий, прижатый, как будто его давила невидимая ладонь.

Валериан стоял у окна. Спиной к ней. Смотрел на Лиару.

На столе — реестр в сафьяновом переплёте. Раскрытый. Лист канцлера с вороном на ключе. И ещё один лист. С тремя строчками.

Алиса подошла к столу.

Посмотрела.

«Список женихов для леди Алисы Лейн. Представить канцлеру к 15 ноября.

1. Барон Креммер. — Подагра.

2. Виконт фон Лиль. — Рифмует.

3. Герцог Эстерн. — Долги».

Алиса смотрела на список.

Долго.

Потом — перевела взгляд на реестр. Раскрытый. На поля. На сорок два подчёркнутых слова. «Охота». «Карты». «Мать». «Вино». «Глуп». «Жесток». «Стар». «Молод».

«Скучен».

«Не любит мыло».

Она перелистнула страницу. Ещё одну. Ещё.

Сорок два имени. Сорок два «нет».

Она подняла голову.

Он стоял у окна. Спиной. Не обернулся.

— Подагра, — сказала Алиса.

Он молчал.

— Рифмует, — сказала Алиса.

Молчал.

— Долги, — сказала Алиса. — «Скучен». — Пауза. — «Не любит мыло».

Он стоял у окна.

— Граф фон Хессе моется раз в год, — сказал он наконец. Не оборачиваясь. — На Весенний Огонь. — Пауза. — Вы бы с ним не ужились.

Алиса смотрела на его спину.

— А граф фон Альтенберг? — спросила она. — «К наукам». «Читает книги». «Покровительствует часовне». — Пауза. — «Скучен».

Валериан не ответил.

— Валериан, — сказала Алиса. — Сорок два имени. Сорок два слова. — Пауза. — Каждому — по смертельному недостатку. — Ещё пауза. — А тем трём, которых велел король, — по одному. Подагра. Рифмует. Долги.

Она положила реестр на стол. Закрыла.

— Скажите мне, — сказала она. Тихо. Ровно. — Вы ищете мне мужа?

Пауза.

— Или повод отказать всем?

Тишина.

Огонь в камине — низкий, прижатый — затрещал. Иней на окне — пополз выше. К самой раме.

Он стоял у окна. Спиной к ней. Неподвижно. Как тогда — у края лагеря у овечьего загона. Как тогда — у края поляны у шести сосен. Как тогда — на углу рыночной площади в Ворне.

Не оборачиваясь.

Алиса ждала.

Минуту. Две.

Он не ответил.

Она поняла, что он не ответит.

Она положила его список на стол. Рядом с реестром. Рядом с листом канцлера. Аккуратно. Ровно.

— Король велел представить список к пятнадцатому, — сказала она. — Вы представите этот?

Пауза.

— Этот, — сказал Валериан. Не оборачиваясь.

— С подагрой, рифмами и долгами.

— С подагрой, рифмами и долгами.

Алиса кивнула. Хотя он не видел.

— Хорошо, — сказала она.

И пошла к двери.

У двери — остановилась. Не оборачиваясь. Как он.

— Валериан, — сказала она.

— Да.

— Вы мне сказали в Ворне. На пороге. — Пауза. — «Мне страшно, когда вы далеко».

Тишина. Звенящая. Колючая.

— Если вы найдёте мне мужа, — сказала Алиса. Тихо. — Я буду — далеко. — Пауза. — Навсегда.

Она вышла. Закрыла дверь.

За дверью — в коридоре, у лестницы — стояла Матильда. С подносом. С двумя чашками отвара из шиповника. Которые, судя по всему, несла в кабинет — и не донесла.

Она смотрела на Алису. Огромными глазами.

— Леди, — сказала она. Шёпотом.

— Ты слышала, — сказала Алиса. Не вопросом.

— Слышала, — сказала Матильда. — Не хотела. — Пауза. — Он не ответил.

— Не ответил.

Матильда смотрела на неё.

— Леди, — сказала она. — Он — не ответил. — Пауза. — Но он и не сказал «нет».

Алиса остановилась.

— Что?

— Вы спросили — «вы ищете мне мужа или повод отказать всем?», — сказала Матильда. Медленно. Как Клом, который считает. — Если бы он искал мужа — он бы сказал. «Ищу мужа». Сразу. Это же просто. Это — по указу. — Пауза. — А он — молчал.

Алиса смотрела на неё.

— Значит, — сказала Матильда, — он не может сказать «ищу мужа». Потому что это — неправда. — Ещё пауза. — А сказать «ищу повод» — тоже не может. Потому что тогда — придётся сказать почему.

Тишина.

Матильда стояла с подносом в руках. С двумя остывающими чашками.

— Он — дурак второго вида, — сказала она. Тихо. — Розальда писала. Он молчит, потому что правильные слова — не находит. — Пауза. — Но он подчеркнул «скучен» у графа фон Альтенберга, леди. — Ещё пауза. — У того, который хороший. Который читает книги. — Она помолчала. — Он хорошего — забраковал. За то, что скучный. — Пауза. — Он сам скучный. Он это знает. Значит — он не скучного браковал. Он — всех.

Алиса стояла у лестницы. Смотрела на Матильду.

На рыжую, конопатую, семнадцатилетнюю дочь прачки из Нижних Порогов. Которая выучила сорок два правила «Наставлений благородной девице» в карете, пока они говорили о погоде.

— Тильда, — сказала она. — Откуда ты знаешь, что он подчеркнул «скучен»?

Матильда покраснела.

— Я носила ему суп, — сказала она. — Вчера. Ночью. Он не открыл. Я оставила под дверью. — Пауза. — Утром — забирала миску. Дверь была приоткрыта. Он у окна стоял. Реестр — на столе. — Ещё пауза. — Я — посмотрела. Немножко.

— Тильда.

— Я горничная, леди, — сказала Матильда с достоинством. — Горничные всё видят. Это — тоже правило. Тридцать шестое. — Пауза. — «Хорошая горничная видит всё, не говорит ничего». — Она помолчала. — Ну, почти ничего.

Алиса смотрела на неё.

Потом — забрала с подноса одну чашку. Остывшую.

— Отнеси ему вторую, — сказала она. — Горячую. Свежую.

— Он не откроет.

— Оставь под дверью, — сказала Алиса.

И пошла наверх. В свою гостиную с южным окном.

А Матильда стояла у лестницы с подносом. Смотрела ей вслед.

Потом — посмотрела на дверь кабинета. На иней на ручке — изнутри.

Вздохнула. Тяжело, долго, совершенно как Розальда.

— Северные олени, — сказала она. Тихо. Себе. — Оба.

И пошла на кухню. Греть свежий отвар.

В пятницу, пятнадцатого ноября, канцлер граф Бертрам фон Хейде получил список женихов для леди Алисы Лейн.

Три строчки.

Барон Креммер. Виконт фон Лиль. Герцог Эстерн.

Канцлер прочитал. Кивнул. Положил в папку для его величества.

Пометок на полях — «подагра», «рифмует», «долги» — на этом экземпляре не было.

Валериан переписал список набело. Ночью. Своей рукой. Без пометок.

Пометки остались на черновике.

Черновик — Алиса нашла его в понедельник утром, когда собиралась на Лебяжий канал к Аделине, — лежал на подносе. У дверей её гостиной. Вместо чашки отвара, которую Матильда каждое утро ставила туда.

Сложенный вчетверо. Без конверта. Без печати.

Она развернула.

«1. Баронъ Креммеръ. — Подагра.

2. Виконтъ фонъ Лиль. — Рифмуетъ.

3. Герцогъ Эстернъ. — Долги».

И ниже — под тремя строчками — ещё одна. Новая. Чернила — свежие. Почерк — резкий, острый, с наклоном вправо. Но — неровный. Как будто рука дрогнула.

«Ищу поводъ».

Два слова.

И больше ничего.

Алиса стояла у дверей своей гостиной. С листом в руках.

Читала два слова.

Перечитывала.

«Ищу повод».

Не «почему». Не «потому что». Не «я». Не то слово, которого нет в уставе.

Только — «ищу повод».

Ответ на её вопрос. Через три дня. На подносе. Вместо чашки отвара.

Алиса сложила лист. Вчетверо. Сунула за пазуху. К медному ключу — нет, ключ был у него. К чему-то, что лежало там, у сердца, с тех пор как она нашла синий шарф с ёлкой и домиком у своего тюфяка у Сорочьего ручья.

Спустилась по лестнице. Мимо кабинета. Дверь — закрыта. Иней на ручке — нет. Растаял.

Вышла во двор.

Бартоломеус ждал у кареты. Гуннар — у запяток.

— На Лебяжий канал, — сказала Алиса. — К Аделине. — Пауза. — Через Рыбный рынок.

Бартоломеус посмотрел на неё. Через плечо. Маленькими голубыми глазами. Удивлённо.

— Через Рыбный, леди? — переспросил он. — Вы же неделю — через Соборную. Как благородная.

— Через Рыбный, — сказала Алиса. — Мне нужно купить лещей.

— Лещей?

— Шесть пар, — сказала Алиса. — Тильда сварит уху. — Пауза. — Его светлость любит уху.

Бартоломеус смотрел на неё ещё секунду.

Потом — бакенбарды его медленно, очень медленно встопорщились. Как у кота, который почуял сметану.

— Шесть пар, леди, — сказал он. — Как прикажете.

И натянул правую вожжу.

Глава 5. «Правило пятое: принцессы не прячутся на кухне»

«Наставления благородной девице», правило пятое: «Благородная девица не спускается на кухню, в прачечную, в людскую и иные помещения, где трудится прислуга. Ежели девица заблудилась в чужом доме, она стоит на месте и ждёт, пока её найдут. Особам королевской крови сие правило предписывается вдвойне».

Дворец Пламенного Трона был построен для того, чтобы в нём заблудиться.

Алиса поняла это на третьем приёме сезона — благотворительном вечере королевы-матери в пользу вдов павших при Хальдене, — когда, выйдя из Зеркальной галереи в поисках Матильды, которая отправилась за забытым в карете веером, свернула налево, потом направо, потом спустилась по лестнице, потом поднялась по другой, потом прошла через три зала, каждый из которых был похож на предыдущий, как отражение в зеркале, — и оказалась в коридоре, которого не было ни на одном плане, который ей показывал Бартоломеус.

Коридор был узкий, низкий, тёмный. Без зеркал, без позолоты, без фресок. Стены — серый камень, побелённый когда-то и давно облупившийся. Пол — каменные плиты, стёртые до блеска тысячами ног. Свет — от одного масляного фонаря на крюке, коптящего.

И запах.

Не свинец. Не ртуть. Не розы, жасмин и мускус.

Хлеб.

И ещё — лук. Жареный. И мясной бульон. И корица. И что-то сладкое, карамельное, подгорающее.

Кухня.

Алиса остановилась.

Правило пятое. «Ежели девица заблудилась в чужом доме, она стоит на месте и ждёт, пока её найдут».

Она постояла.

Минуту. Две.

Никто не нашёл.

Где-то впереди, в конце коридора, за поворотом, — гремели котлы. Кто-то кричал — сердито, басом, на кого-то, кто уронил что-то. Кто-то смеялся. Пахло хлебом. Тёплым. Только что из печи.

Алиса подумала о Грантхольме. О Бертиной кухне. О первом вечере полтора года назад, когда она спустилась туда, голодная, замёрзшая, растерянная, после первого дня в заброшенном поместье, — и Берта, огромная, хмурая, подозрительная, посмотрела на неё, как на чуму, а потом молча налила миску похлёбки. И Алиса съела. И сказала — «спасибо, очень вкусно». И Берта сказала — «тмин». И с этого началось.

Она подумала о том, что стоит в коридоре королевского дворца в голубом платье вдовы Пумм, в котором её уже видели на двух приёмах, и ждёт, пока её найдут, — потому что так велит книжка за две марки, написанная «одной знатной дамой».

И пошла на запах.

Коридор свернул направо. Потом налево. Потом спустился на четыре ступеньки. Потом упёрся в дверь — низкую, дубовую, обитую железом, приоткрытую.

Алиса заглянула.

Это была не кухня. Это была — комнатка при кухне. Маленькая, тёмная, без окон. Кладовая, наверное, или буфетная. Полки вдоль стен — с мешками, с корзинами, с горшками, с

кадками. Стол посередине — дубовый, весь в зарубках от ножей. На столе — свеча в глиняном подсвечнике. И — медный таз. С водой.

А над тазом — девочка.

Нет — девушка. Лет пятнадцати. Тоненькая, невысокая, светловолосая. В простом сером платье — не шёлковом, не бархатном, а полотняном, как у служанки. С волосами, убранными под белый чепец — тоже как у служанки. Но из-под чепца выбивалась прядь — тонкая, светлая, почти серебряная. И руки — руки, которые она держала над тазом, — были белые, тонкие, с длинными пальцами, с ухоженными ногтями. Не служанкины.

Она стояла над тазом, держа руки над водой — ладонями вниз, в двух пальцах от поверхности, — и смотрела на воду. Неотрывно. Сжав губы. Нахмурив светлые брови.

Вода в тазу — дрожала. Едва заметно. По поверхности бежала мелкая рябь. От краёв — к середине. Как будто кто-то дул на неё.

Потом — от воды пошёл пар.

Тонкий. Едва видный. Белый.

Потом — гуще.

Девушка сжала губы сильнее. Пальцы над водой — напряглись. Задрожали.

Пар — повалил. Клубами. Вода в тазу — зашипела. Забурлила. По краям — поднялись пузыри.

— Нет, — прошептала девушка. — Нет, нет, нет, не так, медленнее, медленнее...

Вода вскипела.

Разом. Мгновенно. Плеснула через край таза — фонтаном, — на стол, на свечу, на руки.

Девушка вскрикнула. Отдёрнула руки. Прижала к груди.

Свеча — зашипела и погасла.

В темноте — тихий, сдавленный, отчаянный всхлип.

Алиса толкнула дверь. Вошла.

— Не трогай руки, — сказала она. — Не трогай. Не три. Дай посмотреть.

В темноте — испуганный вздох. Шорох. Девушка шарахнулась к стене.

— Кто здесь? — Голос — тонкий, срывающийся. — Кто? Уходите! Я позову стражу! Уходите!

— Не позовёшь, — сказала Алиса. Спокойно. — Если бы могла позвать стражу — не пряталась бы тут, в кладовой, в сером платье. — Пауза. — Свечу зажечь можешь?

Тишина.

— Не могу, — сказала девушка. Шёпотом. — Руки...

— Понятно. — Алиса нашарила на столе подсвечник. Нашарила рядом — коробку с огнивом. Высекла искру. Зажгла свечу.

Свет. Тусклый, жёлтый, дрожащий.

Девушка стояла у стены. Прижавшись спиной к полкам с мешками. Прижав руки к груди. Белый чепец сбился набок, светлые волосы рассыпались по плечам. Лицо — бледное, тонкое, с большими серыми глазами, полными слёз. С острым подбородком. С маленьким, плотно сжатым ртом.

Знакомым ртом.

Маленький капризный рот. Как у человека на троне в Малом тронном зале. Который сказал «вас никто не спрашивает».

Алиса посмотрела на этот рот. На серые глаза. На серебристые волосы.

И поняла.

«Наследница: принцесса Лидия, 14 лет», — сказал ей когда-то Валериан, рассказывая о дворе. Ещё в Грантхольме. Мимоходом. Вместе со всем остальным — король, Палата, канцлер, двор. Она тогда не запомнила. Запомнила только одно — «Хаузер рассказывал, что вы

танцевали с принцессой Лидией. Ей было девять. Она потом всем говорила, что вы — лучший танцор в Асдерии».

Пятнадцать. Теперь — пятнадцать.

Наследница Пламенного Трона. В сером служанкином платье. В кладовой при кухне. С обожжёнными руками.

— Покажи руки, — сказала Алиса. Мягче.

Девушка смотрела на неё. Не двигаясь.

— Вы — кто? — спросила она.

— Алиса Лейн, — сказала Алиса. — Северная мыльница. Пустышка. Кухонная искра. — Пауза. — Слышала, наверное.

Глаза девушки — огромные, серые, мокрые — стали ещё больше.

— Вы — та, — сказала она. — Которая подол.

— Та.

— Ладонью.

— Ладонью.

Девушка смотрела на неё ещё секунду. Потом — медленно, очень медленно — отняла руки от груди. И протянула.

Ладони были красными. Ярко. На подушечках пальцев — волдыри. Маленькие, водянистые, блестящие. На тыльной стороне — тоже. Не сильный ожог. Кипяток — не огонь. Но больно — Алиса знала, — очень.

И ещё — старые следы. Под новыми. Розовые, гладкие, затянувшиеся пятна. На запястьях. На кончиках пальцев. На ребре ладони. Много. Десятки.

Это было не в первый раз.

Алиса смотрела на старые следы.

— Сколько раз? — спросила она.

Девушка опустила глаза.

— Не знаю, — сказала она. Шёпотом. — Я не считала. — Пауза. — С лета. Каждую неделю. Иногда — чаще.

— Что ты делаешь?

Девушка молчала.

— Ты греешь воду, — сказала Алиса. — Руками. Без огня. — Пауза. — Это — бытовой дар.

Девушка вздрогнула. Как от удара.

— Нет, — сказала она быстро. — Нет. У меня — нет. У меня — огонь. Огненный дар. Как у отца. Как у деда. Как у всех. — Голос сорвался. — Я — принцесса. Я — Пламенная кровь. У меня — огонь. Мне сказали на Испытании. Мне было двенадцать. Мне сказали — огонь, слабый, но огонь, разовьётся. Мне сказали...

Она замолчала. Закусила губу.

— Тебе соврали, — сказала Алиса. Тихо.

Девушка смотрела на неё. Серыми мокрыми глазами.

— Мне не соврали, — сказала она. Еле слышно. — Мне сказали — то, что надо было сказать. — Пауза. — Потому что у принцессы не может быть кухонной искры. — Ещё пауза. — Это — позор. Для всего рода. Для Трона. Для отца. Если узнают — отца засмеют. Палата засмеёт. Двор засмеёт. Скажут — кровь ослабела. Скажут — королевская дочь — пустышка. Как прачка. — Она всхлипнула. — Как вы.

Алиса не обиделась.

— Кто знает? — спросила она.

— Никто, — сказала девушка. — Отец — нет. Мать... мать умерла, когда мне было пять. — Пауза. — Тот, кто проводил Испытание, — знает. Наверное. Но молчит. — Ещё пауза. —

И старая Мадлен. Повариха. Она меня сюда пускает. По вечерам. Когда все на приёмах. — Она посмотрела на таз. — Она сказала — учись, детка, только тихо. Она сказала — у её бабки тоже была искра. Тёплая. Бабка хлеб пекла — лучший на всю деревню. Тесто у неё подходило за час, а у всех — за три.

— А почему ты учишься? — спросила Алиса. — Если никто не знает? Можно же — не учиться. Забыть. Сказать себе — огонь, слабый.

Девушка подняла на неё глаза.

— Потому что оно — само, — сказала она. — Оно — не уходит. — Голос стал тише. — Я сплю — а вода в кувшине у кровати к утру тёплая. Я злюсь — а молоко в чашке закипает. Я пугаюсь — а свечи вокруг коптят. — Пауза. — Летом, на приёме у посла из Каррада, я разволновалась — и вино в бокалах у всего стола стало тёплым. Как суп. Все решили — слуги перепутали, подали подогретое. Слугу высекли.

Она замолчала.

— Я не хотела, — сказала она. Шёпотом. — Я не хотела, чтобы его высекли. Я пошла к отцу и сказала, что это я, что я попросила подогреть. Отец сказал — глупости, дочь моя, принцессы не пьют тёплого вина. И слугу всё равно высекли.

Тишина. Свеча на столе потрескивала.

— Я думала, — сказала девушка, — если научусь — смогу держать. Чтобы — не само. Чтобы — только когда я хочу. И тогда никто никогда не узнает. — Она посмотрела на свои руки. Красные. В волдырях. — А оно — не держится. Я хочу медленно — а оно сразу. Я хочу чуть-чуть — а оно кипит.

Алиса смотрела на неё. На тонкую светловолосую девочку в сером платье. С обожжёнными руками. С капризным отцовским ртом, который сейчас был совсем не капризным — а испуганным. Одиноким.

Принцесса Лидия Асдерийская. Наследница Пламенного Трона. Пустышка.

Как она.

— Сядь, — сказала Алиса.

* * *

Сначала — руки.

Алиса нашла на полках кладовой то, что нужно, — не сразу, но нашла. Горшочек с мёдом. Глиняный, с деревянной крышкой. Кувшин с чистой холодной водой — из колодца, Мадлен, видимо, держала здесь для теста. Чистое полотенце — льняное, грубое, но чистое.

Холодная вода — сначала. Долго. Опустить руки в миску, держать. Пока не перестанет жечь. Девушка морщилась, всхлипывала, но держала. Алиса сидела рядом и держала её запястья — не дар, просто руки, чтобы не дёргалась.

Потом — мёд. Тонким слоем. На волдыри. Как в Белых Камнях на рану Валериана. Как бабушка — на распоротую гвоздём ногу девятилетней Алевтины.

Потом — полотенце. Не туго.

— Завтра — снова мёд, — сказала Алиса. — Утром и вечером. Волдыри не прокалывай. Сами сойдут. Через неделю — заживёт.

Девушка смотрела на свои руки, обмотанные полотенцем.

— Мадлен мне маслом мазала, — сказала она. — Сливочным.

— Маслом — нельзя, — сказала Алиса. — Масло держит жар внутри. Мёд — вытягивает. — Пауза. — И грязь не пускает.

Девушка посмотрела на неё. С любопытством. Первым — сквозь слёзы.

— Откуда вы знаете?

— Варю мыло, — сказала Алиса. — Мыловары всё время обжигаются. Щёлоком. Кипятком. Горячим жиром. — Она показала свою руку. На тыльной стороне — старый белый шрамик. Полтора года назад, в Грантхольме, первая варка — плеснула щёлоком. — Вот.

Девушка смотрела на шрамик.

— У вас тоже, — сказала она.

— У меня тоже.

— И вы — не прячете?

— Зачем? — сказала Алиса. — Это — моя рука. Она работает. — Пауза. — Шрам — значит, работала.

Девушка молчала. Смотрела на свои обмотанные полотенцем руки. Потом — на Алисину. Со шрамиком.

— Я — Лидия, — сказала она. Тихо. Как будто признавалась в чём-то стыдном.

— Я знаю, — сказала Алиса.

Лидия вскинула на неё глаза.

— Знаете?

— Ты похожа на отца, — сказала Алиса. — Ртом.

Лидия сморщилась. Совсем по-девчоночьи.

— Все говорят, — сказала она. — Я ненавижу этот рот. Он — капризный. А я — не капризная. Я просто... — Она замолчала.

— Одна, — сказала Алиса.

Лидия посмотрела на неё. Долго.

Потом — кивнула. Молча. И отвернулась. И Алиса видела, как у неё дрожит подбородок.

— Покажи ещё раз, — сказала Алиса. — Воду.

Лидия обернулась.

— Что?

— Покажи, как ты греешь воду. Ещё раз. Медленно. Я хочу посмотреть.

— Но... руки...

— Руки — не трогай воду. Держи над. Как держала. — Алиса подвинула медный таз ближе. Вылила остатки горячей воды в ведро у двери. Налила свежей — холодной, из кувшина. — Только — сначала. Подожди.

Она села рядом с Лидией. На лавку у стола. Близко.

— Расскажи мне, — сказала она. — Что ты делаешь? Когда греешь? Что ты думаешь?

Лидия смотрела на неё растерянно.

— Думаю? — переспросила она. — Ничего не думаю. Я — хочу. Чтобы стало тепло. И — оно становится.

— Сразу?

— Сразу.

— А если хочешь, чтобы — чуть-чуть?

— Всё равно — сразу, — сказала Лидия. — Всё равно — кипит. Как будто я — не умею хотеть чуть-чуть.

Алиса кивнула. Медленно.

Она знала это. Знала — по себе. По первым дням в Грантхольме. Когда дар прежней Алисы — тихий, робкий, «пустышка» — оказался у неё, у Алевтины Сергеевны, — и она не знала, что с ним делать. Хотела нагреть воду в котле — и котёл закипал. Хотела чуть-чуть подогреть тесто — и тесто пригорало. Хотела согреть руки — и обжигала.

А потом поняла.

Не «хотеть». Знать.

— Лидия, — сказала она. — Ты знаешь, что такое вода?

Лидия посмотрела на неё как на сумасшедшую.

— Вода — это вода, — сказала она. — Её пьют. В ней моются.

— А из чего она состоит?

— Из воды.

— А что с ней происходит, когда её греют?

Лидия подумала.

— Она становится тёплой, — сказала она неуверенно. — Потом — горячей. Потом — кипит.

— А почему кипит?

Лидия открыла рот. Закрыла.

— Не знаю, — сказала она. Честно.

— Вот, — сказала Алиса. — Вот почему — сразу.

Она взяла с полки маленькую глиняную миску. Налила в неё воды из кувшина. Поставила на стол перед свечой.

— Смотри, — сказала она.

Она положила ладони на края миски. Не над водой — на глину. Контакт. Как всегда. Как учил её — себя — полтора года назад этот мир.

— Вода, — сказала Алиса тихо, — состоит из крошечных частичек. Таких маленьких, что их не видно. Даже в линзу Олдоса — не видно. Они — как пылинки в солнечном луче. Только меньше. Гораздо меньше. И они — всё время двигаются. Дрожат. Толкаются. Всегда. Даже в холодной воде.

Лидия смотрела на миску.

— Когда ты греешь воду, — сказала Алиса, — ты не делаешь её тёплой. Ты — заставляешь частички двигаться быстрее. Дрожать сильнее. Толкаться чаще. — Пауза. — Чем быстрее они двигаются — тем теплее вода. Чем медленнее — тем холоднее.

— Как люди в зале? — спросила Лидия. Неожиданно. — Когда музыка быстрая — все танцуют быстро, и жарко. Когда медленная — медленно, и прохладно.

Алиса посмотрела на неё. С уважением.

— Как люди в зале, — согласилась она. — Точно. — Пауза. — А когда они начинают двигаться так быстро, что уже не могут удержаться внутри воды, — они вылетают. Наверх. Это — пар. А когда вылетают все сразу — это кипение.

Лидия смотрела на миску. Долго.

— А я, — сказала она медленно, — когда хочу «чтобы стало тепло», — я как будто говорю музыкантам: «Играйте быстрее». — Пауза. — Сразу. Все. Изо всех сил. — Ещё пауза. — И они — играют так быстро, что все гости вылетают в окна.

Алиса засмеялась. Не удержалась.

— Да, — сказала она. — Именно так.

— А как надо?

— А надо, — сказала Алиса, — сказать музыкантам: «Чуть-чуть быстрее». — Пауза. — И — слушать. Как они играют. Как танцуют гости. Чувствовать. Когда стало достаточно — сказать «хватит». И держать.

Она закрыла глаза. Держала ладони на краях миски.

И — тепло. Чуть-чуть. Как будто сказала музыкантам — «немного быстрее». И — слушала.

Вода в миске — не дрожала. Не рябила. Не парила.

Просто — стала тёплой.

Алиса открыла глаза. Убрала ладони.

— Потрогай, — сказала она. — Пальцем. Одним. Осторожно.

Лидия посмотрела на свои руки — обмотанные полотенцем. Потом — высвободила мизинец. Единственный не обожжённый. И окунула. В воду.

Замерла.

— Тёплая, — сказала она. Шёпотом. — Как... как парное молоко. Как ванна. Как... — Она не нашла слова.

— Как надо, — сказала Алиса.

Лидия смотрела на миску. На воду. На свой мизинец в воде.

— Вы — не хотели, — сказала она медленно. — Вы — знали.

— Я — знала, — согласилась Алиса. — Что происходит. С водой. С частичками. С музыкантами. — Пауза. — Когда знаешь — можно сказать «чуть-чуть». Когда не знаешь — можно только «хочу». А «хочу» — всегда изо всех сил.

Лидия подняла на неё глаза. Серые. Огромные. Уже не мокрые.

— Научите меня, — сказала она.

* * *

Они встречались по вечерам.

Не каждый — когда получалось. Когда во дворце был приём, и весь двор был в Зеркальной галерее, или в Малом тронном зале, или в Оранжерее, и никто не замечал, что наследница Пламенного Трона, сказавшись больной, ушла к себе. А потом — не к себе. А по узкой служебной лестнице, в сером служанкином платье, в белом чепце, — вниз. В кладовую при кухне. Где старая Мадлен — огромная, седая, с руками, как у Берты, и лицом, как у печёного яблока, — ставила на стол свечу, кувшин с водой, медный таз, горшочек мёда, и уходила, ворча: «Учитесь, деточки, учитесь. Только тихо. Только чтоб никто».

А Алиса — когда получалось — тоже уходила. С приёма. Сказав Валериану — «мне нужно на воздух» или «у меня кружится голова». Он смотрел на неё. Долго. Не спрашивал. Кивал.

Гуннар — шёл следом. Тихо. До конца служебного коридора. И стоял там, у поворота, у масляного фонаря на крюке, — на страже. Пока они учились.

Лидия училась — жадно. Как Тим учился у бабушки Грюн кататься на санках — так рассказывал Флинт. Как Матильда училась варить мыло — стоя у котла до глубокой ночи, пока не начинали подкашиваться ноги. Как Олдос сорок лет учился варить стекло.

Она спрашивала — всё. Почему вода кипит. Почему лёд тает. Почему мыло пенится. Почему хлеб поднимается. Почему от холода трескаются камни. Почему пар — горячий, а иней — холодный, хотя и то и другое — вода. Почему у отца огонь, а у неё — тепло. Почему огонь жжёт, а тепло — нет.

Алиса отвечала. Что могла. Что знала. Осторожно — так, чтобы не сказать лишнего. Не про Тверь. Не про школьные учебники физики. Про «частички» — да. Про «музыкантов» — да. Про то, что она «читала в старых книгах», которых здесь никто не читал.

На второй вечер Лидия нагрела воду в тазу — сама — и вода не закипела. Стала горячей — слишком, Лидия обожгла кончик мизинца, — но не закипела.

На четвёртый — стала тёплой. Как надо. С первого раза.

Лидия смотрела на таз. Не верила. Опустила в воду обе руки — уже зажившие, только розовые пятна на месте волдырей. Держала. Долго.

— Тёплая, — сказала она. Шёпотом. — Алиса. Тёплая. Я — сама.

Алиса кивнула.

И Лидия — наследница Пламенного Трона, пятнадцать лет, капризный отцовский рот — вдруг заплакала. Над тазом с тёплой водой. Без звука. Просто слёзы потекли. И капали в воду.

— Я думала, — сказала она сквозь слёзы, — что я — урод. Ошибка. Позор. Что у меня — сломанная кровь. — Пауза. — Что Пламя меня не любит. Раз дало мне — это. — Ещё пауза. — А это — не урод. Это — просто... — Она не нашла слова.

— Другое, — сказала Алиса.

— Другое, — повторила Лидия. — Не хуже. Другое.

— Не хуже, — сказала Алиса. — Огонь может сжечь амбар за секунду. Но не может испечь хлеб. — Пауза. — Мадлен печёт хлеб каждое утро для всего дворца. Для твоего отца. Для Палаты. Для всех. — Ещё пауза. — Как ты думаешь — какой дар нужнее?

Лидия смотрела на неё. Долго.

— Мадленин, — сказала она.

— Мадленин, — согласилась Алиса.

На шестой вечер Лидия спросила про Валериана.

Они сидели за столом в кладовой. Таз с водой — тёплой, Лидия нагрела её сама, ровно, с первого раза, — стоял между ними. На столе — горшочек мёда, полотенце, свеча. И — новое: маленькие глиняные баночки. Три. Алиса принесла. Мягкое мыло, мазь, крем. Для Лидиных рук. Чтобы не сохли.

— Он — правда ваш опекун? — спросила Лидия. Вдруг. Без перехода.

Алиса подняла глаза от баночки.

— Правда.

— Тёмный герцог?

— Тёмный герцог.

Лидия помолчала. Потом — улыбнулась. Хитро. Совсем не капризно. Совсем по-девчоночьи.

— Он со мной танцевал, — сказала она. — Пять лет назад. На балу у отца. Мне было десять. — Пауза. — Мне было скучно. Меня посадили на трон рядом с отцом и велели сидеть. Три часа. А все танцевали. — Ещё пауза. — А он подошёл. Один. Через весь зал. Поклонился отцу. Сказал: «Ваше величество, позвольте пригласить её высочество». Отец так удивился, что позволил.

Алиса слушала.

— И мы танцевали, — сказала Лидия. — Вейльбургский круг. Он — огромный, я — маленькая. Он держал меня за руку высоко, чтобы мне было удобно. И смотрел вниз. Серьёзно. Как будто я — королева. Не девочка. Королева. — Она помолчала. — Никто никогда на меня так не смотрел. Ни до, ни после.

— Хаузер говорил, — сказала Алиса, — что вы потом всем рассказывали — он лучший танцор в Асдерии.

Лидия покраснела.

— Рассказывала, — призналась она. — Мне было десять. — Пауза. — И это — правда. Он — лучший. Он танцует, как будто — воюет. Каждый шаг — точно. Никогда не ошибается. Никогда не наступает на ногу. — Ещё пауза. — А потом он уехал на перевал. И не возвращался ко двору — три года. А когда вернулся — уже не танцевал. Ни с кем. Стоял у колонны. Холодный. Как лёд.

— Я знаю, — сказала Алиса.

Лидия посмотрела на неё. Внимательно. Серыми отцовскими глазами — живыми, умными.

— А «Солмарский шёпот» пишет, — сказала она, — что он бежал. Через зал леди Морвен. К вам. — Пауза. — И сбил генерала фон Штайна в пирожные.

— Пишет, — сказала Алиса.

— Это — правда?

Алиса помолчала.

— Правда, — сказала она.

Лидия смотрела на неё ещё секунду.

Потом — засмеялась. Тихо, звонко, по-девчоночьи. Прижав забинтованные — нет, уже не забинтованные, розовые — руки ко рту.

— Генерал фон Штайн, — сказала она сквозь смех, — каждый раз, когда приходит к отцу на совет, ест пирожные. С заварным кремом. Целую тарелку. — Пауза. — А теперь — отец рассказывал за обедом — не ест. Говорит — видеть их не может. — Ещё смех. — Отец смеялся. Сказал — фон Гранту надо бы почаще бегать. Может, фон Штайн похудеет.

Алиса засмеялась тоже.

Они сидели в кладовой при королевской кухне. Наследница Пламенного Трона в сером служанкином платье. Северная мыльница в голубом платье вдовы Пумм. Над тазом с тёплой водой. И смеялись. Над генералом фон Штайном и пирожными.

А потом Лидия перестала смеяться.

— Алиса, — сказала она. Серьёзно. — Отец хочет выдать вас замуж. До Зимнего бала.

— Знаю, — сказала Алиса.

— За Людвига.

Алиса замерла.

— Что?

— За кузена Людвига, — сказала Лидия. — Эстерна. — Пауза. — Я слышала. Вчера. За обедом. Отец говорил канцлеру. — Ещё пауза. — У Людвига — долги. Огромные. Сорок тысяч. Отцу надоело платить. А у вас — деньги. Мыло. Сукно. — Она помолчала. — Отец сказал: «Двух зайцев. Долги Людвига — закрыты. Дело мыльницы — в руках семьи. А фон Грант — пусть утрётся».

Алиса молчала.

— «Пусть утрётся», — повторила Лидия. — Отец не любит фон Гранта. Он — слишком сильный. Северная армия. Двадцать тысяч мечей. — Пауза. — Отец его боится. Немножко. — Ещё пауза. — Отец всех сильных боится. Кроме графа Сарна. Графа Сарна он — слушается.

Тишина. Свеча потрескивала.

— Людвиг — не плохой, — сказала Лидия. Тихо. — Он — весёлый. Он мне сказки рассказывал, когда я была маленькая. Он — добрый. Немножко. — Пауза. — Но он — пустой. Как бочка. В него сколько ни налей — всё вытечет. — Ещё пауза. — Он ваши деньги — проиграет. Все. За год.

Алиса смотрела на неё. На тонкую светловолосую девочку. Которая в пятнадцать лет понимала про свою семью больше, чем многие взрослые.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Что сказала.

— Я — ваша ученица, — сказала Лидия. Просто. — Ученики — говорят учителям. — Пауза. — И потом...

— Что?

Лидия посмотрела на неё. Хитро. Снова — по-девчоночьи.

— И потом, — сказала она, — я хочу, чтобы фон Грант снова танцевал. — Пауза. — Не со мной. — Ещё пауза. — С вами.

Алиса не нашлась, что ответить.

Лидия встала. Из-за стола. Отряхнула серое платье. Поправила чепец.

— Мне пора, — сказала она. — Приём кончается. Меня хватятся.

Она пошла к двери. Остановилась. Обернулась.

— Алиса, — сказала она. — Вы придёте? В четверг?

— Приду, — сказала Алиса.

— Обещаете?

— Обещаю.

Лидия кивнула. Улыбнулась. И исчезла. В тёмный коридор. В серое служанкино платье. Как тень.

Алиса осталась сидеть.

Над тазом с тёплой водой. Которую нагрела — ровно, с первого раза — пятнадцатилетняя наследница Пламенного Трона. Пустышка.

«Отец хочет за Людвига».

«Фон Грант — пусть утрётся».

«Я хочу, чтобы он снова танцевал. С вами».

Алиса опустила руку в таз. В тёплую воду.

Тёплая. Как надо.

Гуннар ждал у поворота коридора. У масляного фонаря на крюке.

— Хозяйка, — сказал он.

— Гуннар.

— Девочка — ушла.

— Ушла.

Гуннар помолчал. Посмотрел на неё. Долго.

— Это — она? — спросил он. Тихо. — Принцесса?

Алиса посмотрела на него.

— Ты знаешь?

— Я её видел, — сказал Гуннар. — Пять лет назад. На балу. Когда командир с ней танцевал. — Пауза. — Я стоял в карауле у дверей. — Ещё пауза. — Она тогда была — во-от такая. — Он показал рукой — у пояса. — Командир держал её руку высоко. Чтобы ей было удобно.

Алиса молчала.

— Я никому не скажу, хозяйка, — сказал Гуннар. — Никогда. — Пауза. — Уговор.

— Уговор, — сказала Алиса.

Они пошли обратно. По узкому коридору. Вверх по лестнице. Через три зала, похожих друг на друга, как отражения в зеркале.

В Зеркальной галерее — ещё играла музыка. Ещё танцевали. Ещё блестели бриллианты, белели белила, краснели губы.

Валериан стоял у колонны. У дальней. У окна.

Один.

Не танцевал. Ни с кем.

Смотрел на двери. В которые она вышла час назад.

Увидел её.

И Алиса увидела, как у него — едва заметно, на долю мгновения — расслабились плечи. Под чёрным бархатом камзола. Как тогда, на углу рыночной площади в Ворне.

Он не подошёл. Не спросил, где она была.

Просто кивнул. Через весь зал.

И она — кивнула в ответ.

«Я хочу, чтобы он снова танцевал. С вами».

Алиса стояла у дверей Зеркальной галереи. И смотрела на него. На чёрную фигуру у дальней колонны. У окна. С синим дырявым шарфом на шее. Которую обходили танцующие пары — стороной, как обходят глыбу льда.

Он не танцевал пять лет.

Она подумала: а я — не умею. Вейльбургский круг — один раз. В Вейльбурге. Раз-два-три. Он вёл — я шла. Но это был — круг. Простой. Здесь — двадцать танцев. Сорок. С фигурами. С поклонами. С переходами.

Она не умела ни одного.

* * *

Письмо от Клома пришло на следующее утро.

Королевской почтой. В сером конверте. Запечатанное отпечатком грантхольмского кирпича с трещиной наискосок.

Матильда принесла его к завтраку. Положила рядом с Алисиной тарелкой. Села напротив. Подпёрла подбородок кулаками.

Валериан — сидел тоже. Напротив. Над тарелкой с овсянкой, которую Матильда варила каждое утро, потому что «его светлость похудел, как Клом в дороге, и прозрачный тоже — с лица».

Гуннар — у двери. Мюллеры и Йенс — на кухне за стеной. Слушали.

Все — всегда — слушали письма Клома.

Алиса сломала печать. Развернула.

«Хозяйка.

Пишу изъ Грантхольма. Изъ печки. Съ камня.

Первое. Вы получили моё прошлое письмо? Про свѣчи? Не покупайте свѣчи. Вилли Пуммъ пишетъ — въ Солмарѣ свѣча стоитъ четыре гроша. Четыре! Въ Ворнѣ — грошъ. Это — грабёжъ. Это — разбой на большой дорогѣ, только безъ дороги.

Свѣчи не покупать. Читать при его свѣтлости. Онъ всё равно свѣтится. Отъ злости. Это экономитъ.

Второе. Дрова. Тоже грабёжъ. Вилли пишетъ — въ Солмарѣ дрова продаютъ не возами, а охапками. Охапками! Какъ цвѣты! По два гроша за охапку! Хозяйка, это — не дрова. Это — букетъ.

Дрова не покупать. Пусть его свѣтлость топитъ взглядомъ. Нѣтъ. Онъ морозитъ взглядомъ. Тогда — пусть смотритъ на Васъ. Тогда онъ теплѣетъ. Берта говоритъ. Я провѣрялъ — Берта права.

Третье. Вода. Вилли пишетъ — въ Нижнихъ слободахъ воду продаютъ. За деньги. Изъ бочекъ. Грошъ за ведро. Изъ Ліары. Ниже слободъ.

Хозяйка. Это — та вода, куда всё стекаетъ. Это — вода изъ Кожевеннаго стока. Только въ сто разъ хуже. И её — продаютъ. За деньги.

Хозяйка. Я — кладовикъ. Я считаю деньги. Мнѣ всё равно, что продаютъ. Мнѣ важно — по честной ли цѣнѣ.

Это — не по честной. Это — по нечестной. Это — дороже, чѣмъ мыло. Потому что за мыло платятъ деньгами. А за эту воду — платятъ дѣтьми.

Я знаю. Я помню Ворнъ. Девятнадцать.

Хозяйка. Вы туда пойдёте. Я знаю. Вы всегда идёте. Туда, гдѣ плохо.

Возьмите Гуннара. Возьмите Йенса. Возьмите Мюллеровъ. Возьмите его свѣтлость. Возьмите котёлъ. Возьмите щёлокъ.

Не берите денегъ. Тамъ — украдутъ.

Четвёртое. Товарищество. Ханна прислала отчётъ. Двѣ тысячи шинелей — сданы. Сѣверная армія довольна. Тысяча — для Южной — къ декабрю, въ работѣ. Пятьсотъ одѣялъ для жены полковника Гольца — сданы досрочно. Жена полковника прислала Ханнѣ письмо. Благодарственное. Пишетъ — ноги не мёрзнутъ. Первый разъ за двадцать лѣтъ.

Прибыль товарищества — тысяча двѣсти кронъ. За полгода. Наша треть — четыреста.

Хозяйка. Четыреста кронъ.

Я пересчиталъ. Одиннадцать разъ. Сходится.

Я не знаю, что съ ними дѣлать. Дѣдъ никогда не держалъ четыреста кронъ. Дѣдъ держалъ — сорокъ. Въ лучшій годъ.

Пока — держу. Въ сундукѣ. Подъ камнемъ. Съ меткой. Каждую.

Пятое. Олдосъ. Олдосъ варитъ. Каждый день. Песокъ съ Бѣлыхъ Ключей — кончается. Олдосъ говоритъ — нуженъ ещё. Много. Дунхаръ обѣщалъ — осенью. Двѣсти пудовъ шерсти и десять мѣшковъ песка.

Олдосъ сварилъ ещё три шара. Прозрачныхъ. И одну пластину. Плоскую. Кривую. Говоритъ — первая. Говоритъ — для окна. Говоритъ — когда научится ровно — сдѣлаетъ окна. Для тѣхъ, что ждутъ.

Шестое. Вета. Вета варитъ мыло лучше Тильды. Тильдѣ не говорите. Тильда обидится.

Седьмое. Флинтъ пошёлъ въ школу. Къ отцу Матіасу. Вмѣстѣ съ Паулемъ Кохомъ. Флинтъ — старше всѣхъ въ классѣ на пять лѣтъ. Сидитъ на задней скамьѣ. Отецъ Матіасъ говоритъ — толковый. Только дерётся.

Восьмое. Заря. Бреннеръ пишетъ — Заря здорова. Пауль приходитъ каждый день. Чиститъ. Кормитъ. Разговариваетъ. Заря его слушается. Больше никого. Даже Бреннера.

Девятое. Хозяйка. Я прочиталъ — Вилли Пуммъ прислалъ — «Солмарскій шёпотъ». Первый выпускъ. Про подолъ. Про его свѣтлость. Про пирожныя.

Хозяйка. Я смѣялся. Берта говоритъ — я смѣялся такъ, что изъ печки сыпалась зола.

Генералъ фонъ Штайнъ въ пирожныхъ. Я записалъ. Въ отдѣльную книжечку. Въ ту, гдѣ смѣшное. У меня теперь такая есть. Тоже — новая.

Десятое. Женихи.

Хозяйка. Не покупать.

Ни за какія деньги.

Даже если король велитъ.

Даже если его свѣтлость велитъ.

Особенно — если его свѣтлость велитъ. Потому что его свѣтлость велитъ — не то, что думаетъ. Это я знаю точно. Я его съ дѣтства знаю. Онъ въ семь лѣтъ залѣзъ въ кладовую номеръ три и сказалъ, что ищетъ кота. А искалъ варенье. Вишнёвое. Я видѣлъ.

Онъ и сейчасъ такъ. Говоритъ — кота. А ищетъ — варенье.

Вашъ Кломъ.

Казначей. Въ бумагѣ съ печатью.

P.S. Его свѣтлости передайте: графа на мѣстѣ. Безъ вопросительнаго знака. Варенье — помню. Вишнёвое».

Алиса дочитала.

Подняла голову.

Тишина за столом.

Матильда — напротив, с подбородком на кулаках, с огромными глазами — давилась. Беззвучно. Красная, как рак.

Гуннар у двери — смотрел в потолок. Очень внимательно.

На кухне за стеной — Мюллеры. Тишина. Подозрительная.

Валериан — сидел над тарелкой овсянки. С ложкой в руке. Неподвижно.

— Вишнёвое, — сказала Алиса.

Валериан не поднял глаз.

— Кладовая номер три, — сказала Алиса. — Вам было семь.

Тишина.

— Кот, — сказала Алиса.

Валериан положил ложку.

— Я действительно искал кота, — сказал он. Ровно. Глядя в тарелку. — У Марики был кот. Рыжий. Звали Генерал. — Пауза. — Он сбежал. Марика плакала. Я пошёл искать.

— В кладовую номер три, — сказала Алиса.

— Коты любят кладовые.

— А варенье?

Пауза.

— Варенье, — сказал Валериан, — было на верхней полке. — Ещё пауза. — Кот — тоже. Рядом.

Матильда напротив издала звук. Как закипающий чайник.

— Кота вы нашли? — спросила Алиса.

— Нашёл, — сказал Валериан.

— А варенье?

Долгая пауза.

— Тоже, — сказал Валериан.

Матильда не выдержала. Сорвалась со стула. Убежала на кухню. Оттуда — через секунду — донёсся хохот. Матильдин. И Мюллеров. Хором. И Йенса — однорукого Йенса Кольбаха, который за всё время в Солмаре не улыбнулся ни разу.

Гуннар у двери — стоял, глядя в потолок. Плечи у него тряслись.

Алиса смотрела на Валериана.

Он смотрел в тарелку.

Потом — медленно поднял глаза.

Посмотрел на неё. Серыми глазами. Через стол.

И впервые с аудиенции у короля — впервые за три недели в Солмаре — она увидела в них то, что видела в Вейльбурге. На пристани. На рассвете после Ночи фонарей. И у шести сосен. И на последних верстах перед Ворном, когда он отдал ей свою чёрную книжечку.

— Генерал, — сказала Алиса. — Кота Марики звали Генерал.

— Да.

— Как гуся в «Хромом гусе».

— Да.

— Вы не говорили.

Валериан помолчал.

— Вы не спрашивали, — сказал он. — Про котов.

Алиса смотрела на него.

Потом — тоже засмеялась. Тихо. Сначала — тихо.

А он — улыбнулся. Обеими сторонами.

И — не отвёл глаз.

Вечером, в маленькой гостиной с южным окном, Алиса писала ответ Клому.

Долго. Три листа.

Про Солмар. Про «Ледник». Про Рыбный рынок и лещей. Про Бартоломеуса и мыло с розой. Про Лилейную комнату. Про Аделину — без подробностей, только: «Леди Морвен больше не носит белил. Она вдела нитку. Сама». Про список женихов — коротко: «Подагра. Рифмует. Долги». Про четыреста крон: «Держи. Под камнем. Не трать. Я скоро скажу на что».

Про Лидию — ни слова. Уговор.

Про Нижние слободы — одна строчка: «Пойду. Скоро. С Гуннаром. С котлом. Без денег».

А в конце — постскриптум.

«P.S. Его светлость признался. Про варенье. Сказал — "тоже". Покраснел. Не сильно. Немножко. У ушей.

Ты был прав. Он говорит — кота. А ищет — варенье.

Я пока не знаю, какое варенье он ищет сейчас.

Но, кажется, догадываюсь».

Она перечитала постскриптум. Подумала. Хотела зачеркнуть.

Не зачеркнула.

Запечатала. Отпечатком — чего? Ключа не было. Кирпича не было.

Она посмотрела на свою руку. На палец. На горское кольцо — серебряное, грубое, широкое, с бараньей головой. Которое Дунхар надел ей у Приюта Двух Сестёр. Которое ей было велико и которое Гуннар в Ворне обмотал внутри ниткой, чтобы не спадало.

Прижала кольцо к тёплому сургучу.

Баранья голова.

Знак друга рода.

А в кабинете на первом этаже, у огромного камина, который теперь горел каждый вечер, — Матильда победила, — Валериан сидел над картой.

Не над реестром женихов. Не над списком.

Над картой Солмара. Военной. На пергаменте. Которую он взял из гарнизонного архива ещё летом, когда был здесь на суде.

На карте — город. Белые кольца стен. Дворец на холме. Собор со шпилем. Мосты. Каналы. Особняки знати.

И — внизу, вдоль Лиары, на восточной окраине, — пятно. Серое. Заштрихованное. Без улиц. Без названий. Только надпись — мелко, писарским почерком, — «Нижнія слободы. Не обслѣдовано».

Не обследовано.

Он смотрел на это пятно долго.

Потом — взял перо. Обмакнул.

И рядом с надписью «Не обследовано» — написал. Мелко. Своим почерком. Резким, острым, с наклоном вправо.

«Она пойдётъ туда. Скоро».

Подумал.

Дописал.

«Я — тоже».

Глава 6. «Правило шестое: на свидании говорят о погоде»

«Наставления благородной девице», правило шестое: «На свиданіи с женихом, происходящем всенепременно в присутствіи опекуна или дуэньи, девица говорит о погоде, о цвѣтах, о музыке и о здоровье его родителей. Девица не говорит о делах, деньгах, политике, болезнях и о себе».

Барон Готфрид Креммер ухаживал по расписанию.

Это стало ясно на второй день после того, как канцлер получил список. Утром, ровно в девять, к воротам «Ледника» подъехала карета — небольшая, тёмно-зелёная, без гербов, но очень чистая, с лакированными колёсами и с кучером в зелёной ливрее. Кучер слез, подошёл к воротам, вручил Гуннару конверт. Тёмно-зелёный, с печатью — бобр, грызущий палку.

— Для леди Лейн, — сказал кучер. — От барона Креммера. Ответа ждать не велено.

И уехал.

Алиса вскрыла конверт за завтраком.

Внутри был лист. Плотный, белый, разлинованный — карандашом, тонко, по линейке. И на нём — аккуратным, мелким, бисерным почерком, с завитушками на заглавных буквах:

«Высокочтимая леди Лейн!

Имѣю честь сообщить Вамъ, что Его Величество соблаговолилъ включить меня въ число лицъ, коимъ дозволено искать Вашей руки. Почитаю долгомъ немедля приступить къ исполненію сего почётнаго порученія.

Предлагаю нижеслѣдующій порядокъ ухаживанія:

Понедѣльникъ, 18 ноября. Визитъ вѣжливости. 11 часовъ утра. Продолжительность — полчаса. Предметъ бесѣды — погода.

Среда, 20 ноября. Прогулка въ Королевской оранжерѣе. 2 часа пополудни. Продолжительность — часъ. Предметъ бесѣды — цвѣты.

Пятница, 22 ноября. Посѣщеніе концерта въ Соборѣ Единаго Пламени. 7 часовъ вечера. Продолжительность — по программѣ. Предметъ бесѣды — музыка.

Воскресенье, 24 ноября. Обѣдъ у меня въ домѣ на Липовой улицѣ. 3 часа пополудни. Продолжительность — два часа. Предметъ бесѣды — здоровье родителей (моихъ — покойныхъ, Вашихъ — покойныхъ; бесѣда будетъ краткой).

Далѣе — по обстоятельствамъ.

Въ присутствіи Его свѣтлости опекуна, разумѣется.

Съ совершеннымъ почтеніемъ,

Готфридъ Креммеръ, баронъ.

P.S. Прошу простить подагрическую неровность почерка въ словѣ "почтеніемъ". Правая нога сегодня особенно невыносима, а она, какъ ни странно, отражается на правой рукѣ».

Алиса дочитала. Подняла голову.

Валериан сидел напротив. Над овсянкой. Смотрел на неё.

— Расписание, — сказала Алиса. — Он прислал расписание ухаживания.

— Я видел конверт, — сказал Валериан. — Бобр.

— Бобр?

— Герб Креммеров, — сказал Валериан. — Бобр, грызущий палку. — Пауза. — Девиз — «Терпение и труд».

Матильда у буфета прыснула.

Алиса посмотрела на лист снова. На разлинованные строчки. На «предмет беседы — погода». На «беседа будет краткой». На постскриптум про подагрическую неровность почерка.

— Он смешной, — сказала она.

— Он — жених номер один, — сказал Валериан. — По указу его величества.

— Он смешной, — повторила Алиса. — И, кажется, умный.

Валериан помолчал.

— Подагра, — сказал он.

— Вы это уже написали. На полях. — Пауза. — Подчеркнули.

— Подчеркнул, — согласился Валериан.

Алиса сложила лист.

— Понедельник, одиннадцать, — сказала она. — Визит вежливости. Предмет беседы — погода. — Пауза. — Вы будете присутствовать?

— «В присутствии его светлости опекуна, разумеется», — процитировал Валериан. — Буду.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Тогда вы и поговорите с ним о погоде. — Пауза. — У вас — опыт. Восемнадцать дней.

Валериан посмотрел на неё. Долго.

Матильда у буфета уронила ложку.

Барон Креммер приехал в понедельник в одиннадцать. Ровно. Когда часы на башне Собора Единого Пламени начали бить — тёмно-зелёная карета остановилась у ворот. На последнем ударе — барон, опираясь на трость с серебряным набалдашником и прихрамывая на правую ногу в войлочной бахиле, — вошёл в холл.

Холл «Ледника» за три недели изменился.

Камин горел. Огромный, чёрный, в котором можно было бы зажарить быка, — теперь он горел каждый день, и от него в холле было тепло. Паутина — исчезла. Пыль — исчезла. Каменный пол — отмыт Мюллерами до серого блеска. На полу — ковёр. Старый, выцветший, северный — с узором из ёлок и оленей, — который Матильда нашла в сундуке на чердаке, вытрясла, выбила, вычистила и расстелила. У камина — два кресла. Тоже с чердака. Тоже вычищенные. И между ними — столик. С подносом. С чайником. С тремя чашками.

И — запах. Не сырость. Не камень. Не мороз. Хлеб. Мёд. Шиповник. Можжевельник от «Северного лесного», которым Матильда мыла всё, до чего дотягивалась.

Барон Креммер остановился на пороге. Огляделся. Принюхался.

— О, — сказал он. Мягким, высоким, чуть пришепётывающим голосом. — Как здесь — тепло.

— Добро пожаловать, барон, — сказала Алиса. И сделала реверанс. Три удара сердца.

— Леди Лейн. — Барон поклонился. Насколько позволяли живот и нога. — Ваша светлость.

Валериан стоял у камина. В чёрном. Со скрещёнными на груди руками.

— Барон, — сказал он.

Голос был — ровным. Вежливым. Холодным. Как лёд на Лиаре в январе.

Барон Креммер посмотрел на него. Маленькими умными серыми глазками. Потом — на Алису. Потом — снова на Валериана.

И улыбнулся. Добродушно.

— Я бывал в этом доме, — сказал он. — Двадцать пять лет назад. У вашего отца, ваша светлость. По делам совета. — Пауза. — Тогда здесь было — холоднее, чем на улице. Ваш отец принимал меня в плаще. У нетопленого камина. Я отморозил себе правую ногу. — Ещё пауза. — С тех пор она у меня и болит.

Тишина.

— Это шутка, — сказал барон Креммер. — Подагра — от вина и мяса. Я знаю. — Он улыбнулся шире. — Но холодно было — правда.

Валериан смотрел на него. Не улыбнулся.

Алиса — да. Не удержалась.

Визит длился ровно полчаса.

Предмет беседы — погода.

Барон Креммер был — образцовым собеседником. Он говорил о погоде так, как будто погода была самой интересной вещью на свете. О том, что в этом году в Солмаре необычайно тёплая осень. О том, что, по наблюдениям королевского звездочёта, зима будет поздней, но суровой. О том, что Лиара в октябре обмелела на два локтя, и это — третий раз за сто лет. О том, что дожди на юге задержали сбор винограда, и цены на вино весной вырастут на четверть. О том, что из-за этого виноторговцы Солмара уже сейчас скупают прошлогоднее вино у карадцев — по двойной цене, — и это, в свою очередь, ударит по пошлинам на южной границе.

Алиса слушала. И с каждой минутой — всё внимательнее.

Потому что барон Креммер говорил о погоде — а получалось о торговле. О ценах. О пошлинах. О деньгах. О том, кто что скупает, кто на чём теряет, кто на чём наживается.

Он говорил о погоде — а получался доклад. Как доклад Валериана о Южном тракте. Только — о Солмаре.

— ...а снег, — говорил барон, — если ляжет поздно, но плотно, — закроет перевалы Ветряного Хребта к середине декабря. Это значит, что горская шерсть не дойдёт до Вейльбурга до весны. — Он посмотрел на Алису. Невинно. — Если, конечно, её не привезут до середины декабря. Я слышал, род Высоких Камней обещал триста пудов. К ноябрю.

Алиса замерла.

— Вы знаете про род Высоких Камней? — спросила она.

— Леди Лейн, — сказал барон Креммер мягко, — я — член Королевского совета по торговле. Я читаю отчёты. Все. — Пауза. — Сукно, именуемое «ворнским», — две тысячи шинелей Северной армии, тысяча — Южной, пятьсот одеял жене полковника Гольца. — Он улыбнулся. — Это — самая обсуждаемая сделка в совете за последние пять лет. После барона Морса.

Валериан у камина — не двинулся. Но Алиса почувствовала, как воздух в холле стал на градус холоднее.

— Барон Морс, — сказала Алиса. — Он здесь, в Солмаре.

— Здесь, — согласился барон Креммер. — Подаёт жалобы. В совет. В канцелярию. В Палату. — Пауза. — Говорит, вы его разорили. Нечестно. Колдовством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.